

№9
Сентябрь 2007

РУССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

A portrait of a middle-aged man with short brown hair, wearing glasses, a dark suit jacket, a light blue shirt, and a patterned tie. He has a goatee and is looking directly at the camera with a neutral expression. The background is a warm, yellowish-gold color, possibly a wall or curtain.

**Я ВЫБРАЛ
ГРУЗИЮ И НЕ
ЖАЛЕЮ ОБ ЭТОМ**

*От Внешторгбанка к ВТБ.
Расширяя горизонты...*

Когда мы стремимся к намеченным целям, мы объединяем опыт, знания и силы, чтобы двигаться вперед и подняться на новую высоту.

9 банков в 8 странах СНГ и Европы.
Одно имя — ВТБ.

8 (800) 200-77-99
(звонок по России бесплатный)
(495) 739-77-99 (московский номер)

 Внешторгбанк

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

Главный редактор
Александр Сватиков

Редакционная коллегия:
Вера Церетели, Алла Беженцева,
Инна Кулишова, Арсен Еремян,
Нелли Узнадзе, Донара Канделаки

Художник-дизайнер
Ираклий Кипиани

Технический редактор
Давид Абуладзе

Допечатная подготовка
Давид Элбакидзе-Мачавариани,
Алена Деняга

№9⁽²⁴⁾
Сентябрь 2007

Адрес редакции:
Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2;
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.russianclub.ge

СОДЕРЖАНИЕ

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ	НЕ НУЖЕН НАМ БЕРЕГ ТУРЕЦКИЙ...	4
ИЗ ПЕРВЫХ УСТ	«ОСТАЮСЬ ОПТИМИСТОМ»	8
ЮБИЛЕЙ	ЛЮБИМОВ. ТАГАНКА. ДО И ПОСЛЕ	10
ДИАЛОГ С МАСТЕРОМ	«Я НИКОГДА СЕБЕ НЕ ИЗМЕНЯЛ!»	15
МИР РУССКОГО СЛОВА	«ЭХО МОСКВЫ» В ТБИЛИСИ, ИЛИ «ГОВОРИМ ПО-РУССКИ ПРАВИЛЬНО»	20
ТРАДИЦИЯ	КАЗАК И В ГРУЗИИ КАЗАК	24
ЗНАЙ НАШИХ!	КОГДА ДУША ПОЕТ	28
СТИЛЬ ЖИЗНИ	СОЕДИНЯЮЩЕЕ ЗВЕНО	33
ПРИЗНАНИЕ	НЕИЗМЕННОСТЬ ДОСТОИНСТВА	34
ГАСТРОЛИ	«НАДО БЫТЬ ГОТОВЫМ К ПЕРЕМЕНАМ»	38
О, СПОРТ!	ПРОИГРАВШИХ НЕ БЫЛО	40
МУЗЫКАЛЬНЫЕ ОТКРОВЕНИЯ	КТО СТОЯЛ У КОЛЫБЕЛИ «АБЕСАЛОМА»	42
ПАМЯТЬ	СТРОКИ-ЛЕБЕДИ	46
ВЕРНИСАЖ	ОТКРЫТИЕ	48
ЛЕНТА ПАМЯТИ	ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ	50
СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ	ДИНАСТИЯ	52

На обложке: советник - посланник Российской Федерации в Грузии
Иван Кириллович Волынкин

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

Граф Шереметев является потомком первых русских князей Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха, а также генерал-фельдмаршала времен Петра Великого графа Бориса Петровича Шереметева, фельдмаршалов А.В. Суворова и М.И. Кутузова. Родился в Африке в 1931 году, спустя 22 года попал во Францию, где в настоящее время и живет в Париже. Ректор консерватории имени Сергея Рахманинова.

- Скажите, Петр Петрович, удается ли МСРС в своей повседневной деятельности придерживаться тех целей и задач, ради которых он создавался?

- Прежде чем ответить на этот вопрос, несколько слов предыстории. Выходцы из России волею судеб оказались разбросанными по всему миру. Но объединяющим началом для всех всегда были и остаются великие русские культурные ценности и традиции: язык; православная церковь; ностальгия, воспетая поэтами и писателями русского зарубежья; боль за сваливавшиеся на Россию беды и радость за ее успехи.

Идея создания организации, которая бы смогла объединить как можно большее число соотечественников зарубежья, вынашивалась не одним поколением выходцев из России. Однако реальные предпосылки к этому появились относительно недавно. Своеобразным подспорьем оказался и тот факт, что миллионы россиян вопреки своей воле после распада Советского Союза оказались за пределами России. Снятие в дальнейшем политико-идеологических границ, стремление российских властей протянуть руку помощи миллионам «новых эмигрантов» и переоценка роли «старой эмиграции» проложили путь к объединению русского мира со всеми его достоинствами и недостатками. Особенно это проявилось на I Всемирном конгрессе российских соотечественников в Москве в 2001 году. Обращаясь к делегатам, Президент России Владимир Путин призвал к поиску путей консолидации российской диаспоры, проживающей за рубежом, и укреплению ее связей с Россией.

Воодушевленные этой идеей, делегаты из 16 стран приняли за ее реализацию. Через год при содействии правительства Москвы было проведено собрание, учредившее Международный совет российских соотечественников. Среди главных уставных задач:

1. Содействие формированию единого культурного, информационного и образовательного пространства российской диаспоры в целях ее консолидации и расширения связей с Родиной; и 2. Защита прав соотечественников, распространение русского языка и российской культуры за рубежом. Расширение связей с исторической Родиной предполагает, разумеется, и «обратную связь». Привлечение в Россию интеллектуальных, экономических и финансовых ресурсов российских соотечественников, формирование у зарубежной общественности благоприятного отношения к деятельности и МСРС, и самой России.

Учредители призвали все организации соотечественников зарубежья к сотрудничеству. Призыв был услышан, и сегодня в МСРС входят уже около 90 организаций из 47 стран мира. И я имею полное право утверждать, что задача консолидации российской диаспоры за рубежом выполняется. Но также четко понимаю, что очень многое еще предстоит сделать. Во

НЕ НУЖЕН НАМ БЕРЕГ ТУРЕЦКИЙ...

В настоящее время российских соотечественников за рубежом проживает до 25-30 миллионов человек. Целое государство! И делать вид, что проблемы этих людей заканчиваются там, где начинается российская государственная граница, неправильно. Об этом в последнее время говорят все чаще и на всех уровнях. И об этом наш сегодняшний разговор с главой Международного совета российских соотечественников (МСРС) графом Петром ШЕРЕМЕТЕВЫМ.

Участники Международного русско-грузинского поэтического фестиваля: В.Дурнев, П.Шереметев, Н.Свентицкий, А.Гогитидзе

многих странах бывшего СНГ есть немало проблем с изучением русского языка, которые возникают из-за закрытия школ; невозможность использовать свои дипломы; по-прежнему сложно получить визу, оформить необходимые бумаги для возвращения в Россию... Всем этим нужно постоянно заниматься.

- *Что вы считаете наиболее важным в работе совета? Как ее результаты ощущают на себе наши зарубежные соотечественники?*

- Прежде всего важен сам факт создания международной неправительственной организации. На регулярных заседаниях правления МСРС, состоящего из авторитетных лидеров зарубежных организаций соотечественников, происходит обмен опытом работы, планируются совместные мероприятия, разрабатываются и утверждаются формы и методы взаимодействия с российскими властными структурами, ответственными за реализацию государственной политики поддержки соотечественников за рубежом.

Важно также и то, что в Москве создан рабочий орган – секретариат МСРС во главе с опытным дипломатом Вячеславом Дурневым. Его «штаб» обеспечивает связь со всеми членскими организациями, снабжает их необходимой информацией и координирует усилия на главных направлениях работы. А так-

Посол Российской Федерации в Грузии В.Коваленко и граф П.Шереметев

же поддерживает рабочие контакты с федеральными и муниципальными органами власти, государственными и общественными организациями, занимающимися проблемами соотечественников.

В прошлом году организации – члены МСРС активно участвовали в подготовке II Всемирного конгресса российских соотечественников, который с успехом прошел в октябре в Санкт-Петербурге. Большинство поднятых в ходе обсуждения проблем и практических предложений были отражены в итоговых документах этого важного форума. Вы даже не представляете, какую мощную моральную поддержку нашим соотечественникам оказывает «живое» участие в их судьбе и в реализации всех наших программ.

Яркий пример тому – первый в истории русского зарубежья спортивный юношеский фестиваль, проведенный в июле 2006 года в Москве совместно с правительством столицы и при поддержке МИД России. И его задачей было не столько выявление спортивного мастерства участников, сколько желание собрать в одном месте ту часть российских соотечественников, которые выросли за рубежом, никогда не были в России и знают о своей исторической Родине лишь понаслышке. Успех мероприятия превзошел все ожидания. Около 600 юношей и девушек почти со всех концов света получили уникальную

возможность познакомиться по 6 видам спорта, увидеть Москву и познакомиться со своими российскими сверстниками. Команда из Грузии, возглавляемая Александром Беженцевым (Союз русской молодежи Грузии), при поддержке Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб» (президент – Николай Свентицкий), заняла в общекомандном зачете 7 место и завоевала 1 золотую и 2 серебряные медали.

К числу наиболее удавшихся мероприятий, проведенных при участии МСРС, можно отнести также форумы «Зарубежная диаспора – интеллектуальный потенциал России» (Москва, 2003 г.) и «Русский мир: проблемы и перспективы» (Санкт-Петербург, 2005 г.). Особо хотелось бы сказать о почетной награде МСРС и правительства Москвы «Соотечественник года», которая ежегодно вручается наиболее активным участникам движения соотечественников, посвятившим себя делу защиты интересов российской диаспоры, пропаганде российских культурных и духовных ценностей, укреплению связей с исторической Родиной.

- Как относятся к деятельности совета за рубежом, есть ли какие-то трудности?

- Главный критерий отношения к МСРС за рубежом – рост авторитета и стремление все больше-

го числа организаций стать его членами. С учетом поданных заявок на вступление численный состав МСРС в текущем году может достичь 100 организаций. Об авторитете МСРС за рубежом можно судить и по установившемуся у большинства его членских организаций продуктивному взаимодействию с местными властями. Равно как и мэриями, правительственными структурами, курирующими дела эмигрантов и нацменьшинств, различными фондами и администрациями субъектов РФ.

В МСРС достаточно талантливых, самоутвердившихся и инициативных соотечественников, способных в рамках своих организаций решать многие задачи. К сожалению, средств на реализацию планируемых мероприятий постоянно не хватает. В этом пока главная проблема нашей деятельности. Но мы учимся зарабатывать деньги сами; очень надеемся на умелое использование наших организаций при налаживании международной туристической сети, создании сети магазинов русской книги и т.д.

- Каковы взаимоотношения МСРС с руководством России?

- Мы поддерживаем рабочие контакты с администрацией президента, Федеральным Собранием, руководством Министерства иностранных дел России. Разумеется, хотелось бы большего внимания с их стороны к нашей деятельности и нуждам, но, по видимому, это еще впереди. На конгрессе соотечественников в Санкт-Петербурге был отмечен полезный вклад МСРС в сплочение российской диаспоры и укрепление связей с Россией.

Годом раньше наглядным свидетельством признания нашей деятельности стало награждение трех членов его руководящих органов (В.Л. Квинт из США, Н.Д. Лобанов-Ростовский из Великобритании, Н.Н. Свентицкий из Грузии) высокой государственной наградой Российской Федерации – орденом Дружбы. Ваш покорный слуга на посту председателя президиума МСРС удостоен высшей российской общественной награды – ордена Александра Невского I степени «За труды и Отечество».

Особо хочу отметить тесное взаимодействие совета с руководством Москвы, которое на протяжении всей истории выступало своеобразным «собирающим» российских земель. Юрий Михайлович Лужков является почетным председателем МСРС, а со столичным правительством еще в 2005 году мы подписали Соглашение о сотрудничестве, в рамках которого проводится большая совместная работа по реализации государственной политики в отношении зарубежных соотечественников.

- Какова степень участия МСРС в реализации Госпрограммы по оказанию содействия добровольному переселению в РФ соотечественников, проживающих за рубежом?

- Мы, пожалуй, одними из первых ощутили, насколько возросло желание людей возвратиться в Россию. Громадное количество людей – десятки тысяч – всегда мечтали это сделать. Сразу после прошлогоднего конгресса соотечественников, когда впервые официально эта тема была озвучена, в секретариат МСРС посыпались письма и звонки. Нас спрашивали: к кому обращаться по поводу ускоренного получения российского гражданства; в каких субъектах РФ ждут переселенцев; где узнать о

наличии рабочих мест, жилья, размерах подъемных пособий...

Тогда мы были еще не готовы к тому, чтобы удовлетворить это далеко не праздное любопытство. Сегодня ситуация изменилась. Наши членские организации в зарубежных странах вместе с местными властями выявляют желающих выехать в Россию, помогают подготовить необходимые документы, решить имущественные и другие проблемные вопросы. Руководители членских организаций МСРС из Израиля и Германии уже выезжали в места предполагаемого переселения соотечественников, участвовали в совещаниях по проблемам переселения, устраиваемых по инициативе администраций субъектов РФ.

Не сомневаюсь, что организации МСРС во взаимодействии с российскими посольствами и представителями Федеральной миграционной службы внесут полезный вклад в работу по добровольному переселению соотечественников в Россию. Подавляющее большинство желающих выехать, например, из Казахстана состоят в членских организациях МСРС. Кстати, ошибочным считается мнение, что желающие вернуться в Россию живут только в странах ближнего зарубежья. Как только этот процесс начнется и наш секретариат будет располагать соответствующим банком данных, участие МСРС в реализации госпрограммы существенно расширится.

- Какие планы на ближайшую перспективу ставит перед собой ваша организация и какое место в их осуществлении отводится представителям исполнительной и законодательной власти РФ?

- 2007 год – юбилейный для МСРС. В октябре исполняется 5 лет с момента создания нашей организации. А любой юбилей, как известно, связан с подведением итогов и оценкой результатов работы. До праздника мы планируем провести Международный фестиваль русской песни соотечественников зарубежья. Как и прошлогодний спортивный фестиваль, он будет первым в истории России и российской диаспоры. Проводить его мы будем совместно с правительством Москвы и при поддержке Правительственной комиссии РФ по делам соотечественников за рубежом. В 50 странах уже проведены отборочные конкурсы исполнителей. В октябре ожидается приезд в Москву около 500 участников фестиваля. Среди них как любители, так и профессионалы. Проведена подготовительная работа к заседанию координационного совета по правовой помощи соотечественникам при МСРС.

Непосредственно к 5-летию готовятся документальный фильм о соотечественниках зарубежья, выпуск юбилейного бюллетеня МСРС. Сами торжества мы планируем совместить с ежегодной церемонией награждения лауреатов почетной премией «Соотечественник года-2007». Но это не снимает с наших членских организаций необходимости участия в мероприятиях, предусмотренных федеральными программами по русскому языку, работе с соотечественниками, рассчитанной на 2006-2008 гг. и оказание помощи по добровольному переселению. Мы рассчитываем на тесное взаимодействие с представителями исполнительной и законодательной власти РФ и прекрасно осознаем, что без их всесторонней помощи нам не обойтись.

ВИКТОР СИРЫК

Иван Волынкин: «Остаюсь ОПТИМИСТОМ»

*С пожеланиями
новых творческих успехов
«Русскому клубу»*
И. Волынкин

В беседе с советником-посланником Посольства Российской Федерации в Грузии Иваном Волынкиным первоначально предполагалось обсудить ближайшие и более отдаленные планы российской дипломатической миссии. Однако, разговор получился шире и, как представляется, интереснее.

- Иван Кириллович, вы ведь работаете в Грузии уже достаточно давно?

- Да уж больше двух лет. Срок немалый. Вообще же у меня более четверти века дипломатического стажа. Закончил Московский государственный институт международных отношений в 1981 году. В разное время и на разных должностях работал в посольстве СССР, а потом РФ в Белграде, в миссии ОБСЕ в Сербии, в центральном аппарате МИД СССР, а позже – России. Три года был консулом-советником Генерального консульства Российской Федерации в Сан-Франциско. В мае 2005 года получил назначение на мою нынешнюю должность.

- У вас, дипломатов, наверное, как у военных: надо ехать, не рассуждая, куда Родина пошлет.

- В каком-то смысле это так. Но, знаете, выбор ведь есть почти всегда. Не скрою, и у меня была альтернатива. Но я выбрал Грузию, и не жалею об этом.

- Что определило этот ваш выбор? Вы бывали в Грузии до того?

- Только однажды, в детстве, отдыхал с родителями в Махинджаури. Впечатления довольно смутные. Помню море, серое небо, нескончаемый дождь и банано-

вые пальмы с незрелыми бананами на них. Представление о Грузии у меня складывалось позже, как у многих русских людей, по произведениям классических и современных русских писателей, книгам грузинских писателей, грузинским песням. Я всегда любил и сейчас люблю грузинские фильмы. А картину «Отец солдата» считаю шедевром мирового киноискусства. В целом, Грузия воспринималась как близкий и понятный край, где живут духовно родственные нам, русским, люди. Очень большое значение имел для меня фактор единоверия. Я считаю, что мне вообще повезло в этом смысле: большую часть своей работы на дипломатическом поприще я провел в православном мире.

- Вы верующий человек?

- Когда я только начинал дипломатическую карьеру, для молодого человека, не состоявшего в комсомоле, а потом и в КПСС, не могло быть и речи даже о работе в этой области, не то, что об успешном карьерном росте. Я тоже, как и многие тогда, не избегал влияния атеистической коммунистической идеологии. Говорю об этом открыто, потому что мне до сих пор кажется, что некоторые цели, декларируемые коммунистами, близки христианству. Позднее я начал постепенно поворачиваться к вере и церкви. Сегодня считаю себя верующим православным христианином. Стараюсь хотя бы раз в неделю бывать в храме. В Грузии чаще всего ездю в Светицховели. Посещаю Святые места. Недавно побывал в Бодбе, поклонился мощам Святой Нины, совершил омовение святой водой. Порадовало, что там быстрыми темпами идут реставрационные работы.

- Ваша семья находится с вами в Грузии?

- У меня двое детей - сын и дочь. Они уже взрослые. Живут в Москве со своими семьями. Есть внучка-первоклассница. Так что, нашу семью в Грузии представ-

ляем только мы с супругой. Она тоже работает в нашем Посольстве и, наряду с этим, занята, скажем так, общественной деятельностью. Еще вместе с супругой бывшего посла РФ в Грузии Владимира Чиквишвили, которую тоже зовут Ольгой, она начала опекать Ольгинский монастырь. Сейчас эта работа продолжается. Сестры в монастыре находятся под патронажем российского посольства.

- Какую роль, с вашей точки зрения, может сыграть единоверие в процессе восстановления нормальных отношений между нашими странами и народами?

- Огромную. Народам-единоверцам легче находить общий язык. Потому-то, при всей, скажем так, специфичности российско-грузинских отношений в последние годы, уровень которых, как мне кажется, не может удовлетворять ни одну из сторон, особых проблем в отношениях между народами Грузии и России и их отдельными представителями я, честно говоря, не вижу.

- На чем основано это ваше утверждение?

- Прежде всего, на личном опыте. Могу заявить с полной ответственностью, что ни в одной стране мне не жилось так легко, как в Грузии.

- У вас сложился в Грузии какой-то круг общения среди людей, не связанных с Посольством?

- Конечно. Сложился достаточно большой круг близких мне людей, работающих в разных областях, часто вовсе не связанных с дипломатией. Я дорожу их добрым отношением ко мне и отвечаю им искренней симпатией. То есть, никакого отчуждения в Тбилиси и в Грузии вообще я не чувствую.

- Как складываются контакты посольства с действующими в Грузии организациями соотечественников?

- Совсем недавно я встречался с руководителями этих организаций, которых в Грузии порядка тридцати. Мы рассматриваем их, как мостики, связывающие два народа. Ведь кто такие соотечественники? Отнюдь не только этнические русские. Президент России Владимир Путин однажды назвал соотечественниками всех, кто родился на территории бывшего СССР, и даже их детей, родившихся уже после развала Советского Союза. Таким образом, это люди, ориентированные на общие ценности и кровно заинтересованные в преодолении проблем между нашими странами.

- О чем шла речь во встрече?

- Мы говорили о планах Посольства и возможности привлечения к их реализации организаций соотечественников.

- А вы могли бы рассказать об этих планах?

- Планов у нас много, рассказать о всех времени не хватит. Но некоторыми поделиться, конечно, могу. В конце сентября при поддержке нашего посольства в Грузии уже во второй раз пройдет кинофорум «Эхо «Золотого витязя». «Золотой витязь» – это фестиваль кино славянских и православных народов, президентом которого является известный актер и режиссер Николай Бурляев. Посольство организует и спортивный праздник – турнир по мини-футболу с участием команд аккредитованных в Грузии дипломатических миссий и коммерческих структур. Много совместных планов с Международным культурно-просветительским Союзом «Русский клуб», с которым посольство связывают давние дружба и партнерство. Речь идет, в частности, о презентациях нескольких изданий, осуществленных «Русским клубом» при поддержке на-

шего Посольства. Это книги «Футбол на всю жизнь» о многолетних связях российских и грузинских спортсменов, «Диалог» о международном русско-грузинском поэтическом фестивале и переводах русских и грузинских поэтов, «Страна Духоборья» о духоборцах в Грузии и альбом «Русские художники Грузии. XX век». Вообще, в условиях наших непростых межгосударственных отношений мы акцентируем особое внимание на развитии культурных, спортивных, гуманитарных контактов. Стараемся делать то, что в наших силах. Хочется, пользуясь случаем, поблагодарить через ваш журнал представителей грузинского и российского бизнеса, поддерживающих эти начинания.

- Нынешний год объявлен Годом русского языка. Что делается Посольством в направлении популяризации и распространения русского языка среди населения Грузии?

- Открытие школы при Посольстве уже – дело времени. Эта школа будет отличаться от тех русских школ, которые сегодня работают в стране. Обучение в ней будет вестись по российским программам, правда, подкорректированным в соответствии с местными условиями. В частности, в школе будут изучаться грузинский язык, история и география Грузии и т.д. Мы хотим, чтобы выпускники школы получали как российские, так и грузинские аттестаты, и могли, по желанию, продолжить образование и в российских, и в грузинских вузах. Школа будет рассчитана примерно на 500 учеников. Примерно столько же подростков будет учиться и в школе, которая откроется при Русском культурном центре. Центр задуман как настоящий очаг русской культуры с большими возможностями: кинозалом, лингофонным кабинетом, компьютерным классом, театром, фоно- и видеотеками и т.д. Он облегчит всем, кто в этом заинтересован, приобщение к великой русской культуре.

- Русские школы рассчитаны все-таки на русскоговорящих учеников. А что делать тем, кто хочет получить образование на грузинском языке, но при этом хорошо знает русский?

- Думаю, их интерес может быть реализован через систему курсов русского языка, которые мы планируем открыть в масштабах всей Грузии. Координацию их работы мог бы взять на себя тот же Культурный центр. Уверен, что организационных сложностей не будет. В Грузии достаточно квалифицированных и опытных преподавателей русского языка, которые с радостью помогут нам в этом деле.

- Вы с оптимизмом смотрите в будущее?

- Безусловно. Я уверен, что в не таком уж далеком будущем Россия и Грузия сумеют преодолеть сегодняшний непростой этап, выстроить свои отношения на основе согласия. И народы двух стран получат то, чего они заслуживают.

- А чего они заслуживают?

- А заслуживают они благополучия и процветания, к которым трудно прийти, находясь в состоянии конфронтации. Мы ведь соседи. Наше положение отличается от положения соседей по лестничной клетке, которые могут, имея взаимные претензии, попросту разъехаться. Нам разъезжаться некуда. А значит, надо строить отношения на основе дружбы, добрососедства и взаимного уважения к законным интересам друг друга.

ДЭВИ БЕРДЗЕНИШВИЛИ

ЛЮБИМОВ. ТАГАНКА. ДО И ПОСЛЕ

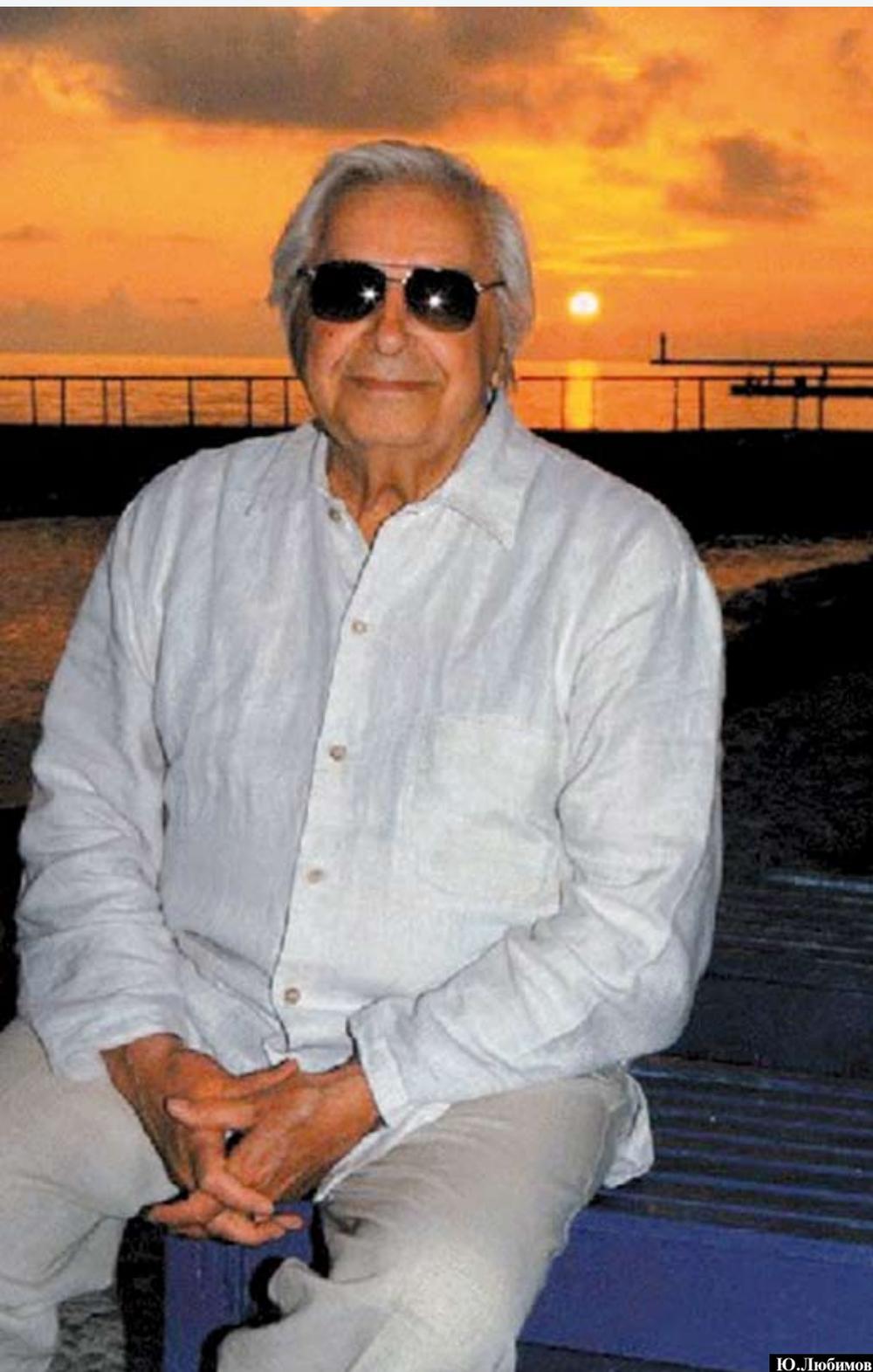
23 апреля 1964 года в Москве родился Театр на Таганке. Родился из дипломного спектакля «Добрый человек из Сезуана», поставленного педагогом Щукинского училища и актером Вахтанговского театра Юрием Любимовым. В 47 лет, когда многие (и не только дамы) уже подводят итоги, думая, что жизнь, в сущности, сделана, этот человек все начал заново. Таганка не стала «еще одним» театром Москвы. Она стала единственной в своем роде. А ее главный режиссер – создателем своего стиля и направления в искусстве. Не каждому даже самому талантливому режиссеру удастся в жизни стать реформатором.

Таганка была театром не бытовым, а бытийным. Она обращалась к зрителю языком первоклассной прозы и поэзии и говорила о главном. Это был театр политический, он имел свое мнение по поводу всех происходящих вокруг процессов. И это был театр художественный, со своей эстетикой. Присутствие Любимова в театральном контексте 60-80-х годов означало, что «им» не все разрешено, а «нам» можно попробовать не бояться. Его спектакли воспринимали как акт гражданского неповиновения. Одни их беспощадно кромсали и закрывали. Другие – отстаивали с боем, как последнюю высоту. А то, что у театра всегда находились друзья, встававшие стеной, и было их много, и были они благородны, наполняло нашу жизнь надеждой.

16 лет спустя после рождения Таганки Любимов потерял своего главного актера Владимира Высоцкого. 20 лет спустя Любимова лишили гражданства, отняли родительские права на Таганку. Друзья оплакали его, как покойника. Но произошло невероятное, и он вернулся. Потом короткое ликование снова обернулось несчастьем. Любимов потерял свой дом во второй раз, пережив бунт своих старых актеров во главе с Николаем Губенко, их демонстративный уход и раскол театра. Тогда это называли «веянием времени», «репетицией демократических перемен»: раскол МХАТа, раскол Ермоловского театра, раскол Таганки... Но только Любимов, единственный из всех, сохранил дух этого дома и его плоть. В 47 лет он создал театр. В 70 с лишним начал его пересоздавать и собрал новую молодую команду. 30 сентября 2006 года ему исполнилось 89, и он продолжает работать, как одержимый. А в фойе Театра на Таганке, как всегда, висят портреты четырех гениев, которым Любимов хотел наследовать и наследовал: Станиславский, Мейерхольд, Вахтангов и Брехт.

- Легко ли жить, став легендой при жизни?

- Да так же, как раньше. Ничего для меня не изменилось. Таганка всегда была опальной и оппозиционной. Вы думаете, она сейчас другая? Я не удивлюсь, если меня опять выгонят. Хотя...сейчас всем на все

Ю.Любимов

наплевать. Легенда? Я стараюсь это всерьез не воспринимать. Шучу, подтруниваю над собой.

- А почему подтруниваете?

- А потому что знаю, почем фунт лиха. Когда меня попросили отсюда, а было мне тогда 64 года, мне ходу никуда не было. Я тогда раньше вас всех попал в капитализм и должен был работать, чтобы содержать семью. Поэтому сейчас мне мало что кажется серьезным. Я старый человек. Недаром древние говорили: «Думай о последнем (часе)». Думай – и станешь лучше. Если я могу работать много, я рад.

- Что дает вам силы работать много?

- (Пожимает плечами.) А что еще делать в нашей несчастной стране? Только работать. Только хорошая работа и может поддержать и театр, и меня. А иначе я мог бы жить, где угодно. Вы же знаете, я человек свободный.

- Всегда были?

- Да, даже при советской власти. У меня хватало воли делать то, что я считал нужным.

- А когда вас заставляли вносить поправки в ваши спектакли?

- Это было грустно, но я давал себе слово, что вот столько-то исправлений еще могу допустить, потому что это не испортит мой замысел окончательно, а дальше – извините. Когда они заступали за черту, я говорил: «Закрывайте. Спектакль не пойдет».

- И не было страха?

- Азарт был. Я даже удовольствие получал, когда вот так дурака валял.

- Как вы ощущаете нынешнюю театральную ситуацию?

- Да никак. Как было все, так и осталось. Как я работал в театре, так и работаю. Я человек консервативный. В других театрах кое-что вижу, но мало. У Васильева мне нравится, у Фоменко. И к Гинкасу я пойду. А совсем молодых я не знаю. Я все время репетирую. Так как я старый человек, я должен оставить свое хозяйство в каком-то порядке. В нашей беспорядочной стране.

Люди уже очень привыкли к клиповому мышлению. Та власть, которую взял теперь над ними телевизионный «ящик», заставляет не только меня, но и многих других режиссеров делать спектакли короче. Короче, но плотнее по смыслу. Хотя я никогда не любил длинных спектаклей. Не такая я цаца, чтобы зритель слушал меня три часа. Я уложусь и в полтора.

- Таганка старая и новая - есть между ними связь?

- Это авторский театр. Был и есть. И всякий театр, если он сильный, авторский. Я только такой театр ценю. В другой не верю. Сводить Таганку к политическому театру – давнее заблуждение. Тогда, в 64-м, я не собирался делать революцию, мне просто надоела унылая картина соцреализма вокруг. У меня в театре главным было все целиком: как это сделано, в какой манере, в какой музыкальной, пластической структуре.

- Неужели «про что» не было главнее?

- «Про что» определялось выбором репертуара.

Лучшая проза, поэзия, самые лучшие писатели, с которыми я дружил: Трифонов, Абрамов, Можжев... И не спрашивайте, почему я не ставил пьес. Потому что не находил хорошей! Они фантазию мою не возбуждали. Так что неправильно сужать Таганку до политического театра. Не просто же так туда было не попасть в течение двадцати лет? За границей, на встречах со зрителями, ко мне подходили эмигранты и дарили билеты на старую Таганку. То есть, навсегда уезжая из страны, они брали с собой наши афиши и билеты, как самое дорогое! Такое не забывается. Когда умер Володя Высоцкий, на следующий день должен был идти «Гамлет». И ни один зритель не сдал билет! И когда нам закрыли спектакль «Павшие и живые», а билеты были проданы на месяц вперед, никто билет не сдал. Ходили на замену, по второму, третьему разу смотрели «Доброго человека», «Антимиры», но не сдавали билеты. Они нас так поддерживали. Это получалась такая интеллигентная молчаливая забастовка против власти. И власть это чувствовала.

- Раньше интеллигентные люди могли поговорить даже молча. Они знали, что хорошо, что плохо.

- Так и сейчас знают!

- Вы уверены?

- Что ж вы думаете, я от старости идиотом стал? Я своих принципов не меняю, как некоторые. Просто многие, с кем хотелось бы поговорить, уже на том свете. А остались мы с Жириновским... Вот и делайте выводы. Он у меня в театре однажды выступал. В антракте «Братьев Карамазовых». Объяснял публике, кто главный враг русского народа. Первый – Достоевский, второй – Солженицын, третий – я. Попытался и меня пригласить к диалогу, но я уехал из театра. Мне потом рассказывали, как какая-то старушенция ему кричала: «Вон отсюда, нечистая сила!»

- Издержки русской демократии, неверно понятая свобода личности - говори все, что вздумается.

- Ну, это ложь очередная – про свободу личности. Даже на уровне искусства. Все цензурируется.

- Кем?

- Это вы спросите у тех, кто владеет газетами и телеканалами. Вы заметили, что прямого эфира теперь все меньше? Телевизионщики делают вид, что он прямой, а он уже кривой, с купюрами и монтажом. СМИ наши несчастные позволяют себе то, что им позволяют, простите за плохой каламбур.

- Значит, вообще ничего не изменилось?

- Чтобы что-то изменилось в стране, человек дол-

жен сам меняться прежде всего. Не оставаться рабом. Но и не становиться мародером. Если вы просидели лет семьдесят в тюрьме, еле вышли оттуда живым, и вам официально говорят: «Вы свободны», - куда вы пойдете? Обратное. Вот все и вздыхают: «Было лучше». Это неправда. Даже «хуже сейчас» - все равно лучше «тогда».

- А театр, значит, ничего в обществе изменить не может?

- А конечно! Всегда так было.

- Тогда зачем? Что такое театр?

- Наслаждение. Призвание – для актеров, которые любят играть, для режиссеров, которые любят ставить.

- Так буднично?

- Мне кажется, что вы еще находитесь в плену высокопарных советских определений. Все проще в мире. И жестче. Я смотрю «Вестсайдскую историю»,

или «Порги и Бесс», или старую «Турандот», или балеты с Улановой – шедевры то есть – и получаю от этого большое наслаждение как зритель. И все.

- Что сегодня происходит с актерами?

- Беда. Мы потеряли вкус к ремеслу. Время дилетантов. Почитайте Пушкина, монолог Сальери. Моцарт - гений, с него и спрос другой. А мы, грешные, должны трудиться. Мы не умеем этого делать. Мы не так воспитаны. И это плохо, потому что мы сейчас пытаемся жить в другой системе, в рынке. Но рынок – это не только и не столько легкие деньги, заработанные в мыльных сериалах и на рекламе. Господам артистам

кажется, что они замечательны в этих сериалах, что они наконец-то душу свою в них раскрывают. Хороший артист, не спорю, какое-то время прилично в них существует, на старом запасе. Но умный понимает: вот это – для денег, а это – для души. На Западе актеры тоже снимаются в «мыльных операх», но понижают, ради чего.

- Как вы обычно реагируете на критику?

- А я привычный. Реагирую, как у Чехова. Когда хвалят, приятно, а когда бранят, то потом два дня чувствуешь себя не в духе. Мне интересна критика, которая способна угадать, что я хотел сказать. Без апломба, но со знанием и эрудицией. Я не за то, чтобы повеселей и погромче, я за то, чтобы поглубже. Но так сейчас мало пишут.

- Вы много ездили и хорошо знаете театр за рубежом. У нас иногда говорят, что не только театр в России, но и весь мировой театр пребывает в кризисе. Это так?

- Нет, это мы любим опять говорить вообще. Да нельзя рассматривать вещи вообще! Вообще мир идиотичен. Но это же не значит, что все мы идиоты? Надо не о кризисе говорить, а искать структуру, которая работает и позволит нашему театру, искусству жить и развиваться.

Что-то я все время говорю банальные вещи, а не хочется быть банальным. Но, увы, все истины, как это ни трагично, банальны. Поэтому мы, наверное, и припадаем к истокам.

Греки вот никогда не кажутся банальными. Ну почему во многих странах сейчас ставят древних греков? Да там вечные темы! В «Электре» ведь та же схема «Гамлета», не замечали?

- Вам не кажется, что жанр чистой трагедии на фоне реальных жизненных драм сегодня мало съедобен.

- Неправда. Все зависит от режиссера. На нашей «Медее» в Израиле все билеты были раскуплены. И как слушали этот великий текст! Им это близко, там такой плов из всех национальностей заварен. И новые поселенцы вдруг ощутили, что они одиноки и враждебны тем, кто здесь живет давно. Они, как это ни покажется странным, увидели в Медее современную героиню... Чехов никогда не будет банален. Достоевский не будет. Его весь мир любит даже больше, чем мы. А потому что заглядывает в такие глубины! Пророческий был писатель.

- Какая сейчас молодежь на Таганке?

- Они трезвее нас, рациональнее. Такого, как Высоцкий, нет, конечно. Но есть очень хорошие. Они развиваются. Они музыкальны. И тоже, знаете ли, что-то пописывают – кто стихи, кто прозу. На Таганке это всегда было. То ли это зависело от круга друзей театра, то ли от круга проблем, которые затрагивались в наших спектаклях.

- Как вы думаете, если сегодня родится Моцарт, его заметят? Талантливый молодой человек сегодня сможет пробиться?

- Им сегодня легче, чем было нам. Но я скажу непопулярную вещь. Прежде всего, человек должен помочь себе сам. Тогда найдутся и приличные люди, которые тоже ему помогут. Я вот преподаю в

ГИТИСе. Хочу – хотя это опять банально звучит, – все, что я знаю, пересказать совсем другому поколению, которому я, наверное, кажусь допотопным. Я ведь еще видел Станиславского, как он играл в «Горе от ума». Значит, мне есть с чем сравнивать. Я помню, как гениально Остужев играл Отелло или Уриля Акосты. Вот у кого был диапазон, голос – четыре октавы! Не

На репетиции

играл, а почти пел, и один казался на сцене простым и естественным. Безукоризненная дикция, каждая буква слышна. И сам Немирович-Данченко бил в ладошки и кричал: «Остужев! Соло!» А я не понимал, почему такие люди в зале так ему хлопают. Великие мхатовцы – в восторге! А он играет не по системе Станиславского. Потом, со временем, я понял, какой был дурак. Сейчас я это привожу в пример своим студентам. Говорю, есть же записи, послушайте, вникнете, авось пригодится.

- Какой сегодня зритель на Таганке?

- Такой же, как в других театрах. Плохой, разншерстный. Такое впечатление, что его по башке каким-то тяжелым грязным мешком все время бьют, и у него пыль в голове. Есть и прекрасные молодые люди, а есть как из подземелья. Смотрят обалдело, щиплют своих девок, хихикают, ведут себя крайне глупо. А в другой раз аплодисменты на прекрасную поэтическую фразу. К нам сейчас приходит новое поколение, которое ничего не знает про старую Таганку. Что в общем-то меня даже радует.

- Что ж тут может радовать?

- А то, что приходят второй, третий раз. И я вижу, что и на них это действует. Вот это и будет круг нашего нового зрителя.

- Мне иногда хочется верить, что зритель лучше, чем мы о нем думаем.

- И мне хочется. Я ж для зрителя работаю.

- Просто он ест, что дают.

- Пускай ест, что хочет. Только бы не отравился. А отравляют регулярно. Это плохо. Дилетантизм.

- Можно испортить вкус публике окончательно?

- Нет. У меня были примеры, когда не интеллектуалы, простая публика что-то хорошее и новое понимала

быстрее, чем наши эстеты.

- Выходит, на старости лет Таганка обременила себя просветительскими задачами. Она и истории учит, и литературе.

С молодым поколением Таганки

- Я не огорчен. Времена и отношения меняются. Вот я Маяковского ставил, «Послушайте». Непопулярный был автор, никто ходить не хотел. А понравилось. Нигде не шел есенинский «Пугачев», а к нам пришли и с удивлением открыли – блистательная поэма, оказывается.

- Вам интуиция шепчет, что и когда ставить?

- Каждый раз по-разному. «Пугачева» – Николай Робертович Эрдман подсказал. Я долго отнекивался: не знал, как поставить. А он через месяц снова-здорово: «Юра, ну вы все-таки подумайте. Это же так обидно: блестящая поэма, и никто не поставил. Вот и Мейерхольд хотел...»

- «Никто не поставил» играет для вас какую-то роль?

- Нет. «Пугачева» я просто перечел, и мне понравилось. Я действительно медлил только потому, что соображал, как поставить. Как сообразил, так и поставил.

- «Не знаю, как сделать» - добавляет режиссеру азарта?

- Наверное. Я ведь и «Доброго человека» сначала не знал, как делать. Понимал, что такое зонг, понимал, что наш зритель не будет это смотреть три часа. Утомит его брехтовская назидательность. Поэтому чего-то комбинировал, сокращал. Ну и сразу попался. Расколосась кафедра в училище. Как спели мои студенты «Шагают бараны в ряд, бьют барабаны», как начали в зале орать «Пов-то-рить!», так и прорабатывать меня начали в парторганизации.

- Если бы сегодня возник подобный спектакль, реакция была бы другой?

- У публики – не знаю. Властям – пока еще наплевать. Но, по-моему, уже начинаются «подвижки»,

как у нас говорят. Чего-то уже «не советуют». Не стоит, мол, нашу публику тревожить. У нас люди быстро соглашаются. Всегда так было. Перестраиваемся, а все в ту же колею попадаем.

- Ваши самые любимые спектакли на Таганке?

- Важные – были. А любимых не бывает. Нелюбимое дитя ж еще больше бережешь? Если родитель видит, что ребенок не удастся, прихрамывает или, не дай бог, чего пострашней, он же его лечит? Холит, лелеет. И режиссер так. Важен был для меня Брехт, от которого я шагнул к классике. Важен был переход к Достоевскому. Пушкин был важен: «Товарищ, верь», «Маленькие трагедии», «Годунов». Все поэтические спектакли.

- А как вспоминаете «Десять дней, которые потрясли мир»?

- А тоже ничего. Я понимал, что не выживу. Если кто перечитает эту книгу сегодня (хотя вряд ли такой человек найдется), он поймет, что поставить это невозможно. А я сделал. И «Доктора Живаго» - невозможно. А спектакль не просто играют, а поют. Театр вообще повернулся в сторону музыки. Что может быть выше музыки? Ничего. Музыкальный театр сильнее драматического. Я ставил много опер, я знаю.

- В музыкальном театре и каноны сильнее, а значит, труднее быть реформатором.

- Весь мир, кроме нас, в опере экспериментирует: пожалуйста, только сделай хорошо. Драматичес-

В. Высоцкий

кий спектакль давно надо ставить, как балет. А чем больше воли даешь артистам, тем быстрее спектакль расползается.

- Слово не держит спектакль?

- А слово не главное. Тело так же выразительно, как и слово. Это не мои слова, а Мейерхольда. Даже мне он их говорил. Слово увяло, к сожалению.

- Вот видите, все-таки «к сожалению».

- Ну, тогда напишите такие слова, которые бы завладели людьми! А люди умудрились во всем мире так девальвировать слово... Я просто люблю другой театр, где есть все.

Беседовала **НАТАЛЬЯ КАЗЬМИНА**

«Я никогда себе не изменял!»

«Сидзе, моди ак!» («Зять, поди сюда!»), - шуточно взывал Михаил Михайлович Козаков в перерыве генеральной репетиции чеховской «Чайки», с нетерпением ожидая появления художественного руководителя Тбилисского театра имени Котэ Марджанишвили Левана Цуладзе (он женат на дочери знаменитого актера и режиссера – актрисе Манане Козаковой) – срочно нужна была помощь в разрешении какой-то сценической проблемы. А все остальные в это время – журналисты, гости – не могли оторвать глаз от чудного озера, раскинувшегося на авансцене...

СПЕКТАКЛЬ ОБ УТРАЧЕННЫХ ИЛЛЮЗИЯХ

О чем поставил свой спектакль Михаил Козаков? О творческом горении, о страстном стремлении художника к самореализации, о мучительной попытке обрести собственное лицо в творчестве, о его сути и смысле. О любви, несущей невероятный взлет и нередко затем – падение. О тщете жизни. О молодых надеждах, иллюзиях и горьких разочарованиях. Кто не проходил через это? И разве имеет значение, в какое время живут герои – в эпоху компьютеров и мобильных или на рубеже XIX-XX веков?

События в спектакле разворачиваются с кинематографической стремительностью.

М. Козаков

Действие начинается вразрез с традицией – с появления Треплева. Он слушает по радио последние новости, отражающие нашу сегодняшнюю реальность такой, какая она есть. Жесткая, быстро меняющаяся, неуправляемая. Предварительно уколовшись (Треплев – наркоман), «вдохновленный» золотоволосый юноша с небесно-голубыми, чистыми глазами ангела сочиняет знаменитый монолог Нины Заречной из своей модернистской пьесы – «Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени...» В спектакле он прозвучит трижды – в исполнении автора, затем – Заречной. А в финале его произносит Аркадина – после самоубийства сына. Этот монолог – лейтмотив образа Треплева, выражающий суть его творчества, художественных

поисков. Как и печальная мелодия саксофона. Она передает состояние души этого талантливого человека, обреченного на одиночество, непонимание окружающих и мучительные поиски своего «я».

Посередине сцены стоит помост. На него поднимается начинающая актриса Нина, чтобы обратиться к публике с монологом «Люди, львы, орлы и куропатки...» По ходу действия сцена превращается в ложе.

Н. Кучава - Треплев

Здесь же, на руках Нины, обретает в финале вечный покой Костя Треплев – и помост в данном контексте чем-то напоминает гроб (художник Анна Калатоцишвили)...

Перенесение событий пьесы в нашу современность влечет за собой некоторые коррективы в тексте. Герои (Маша и Нина Заречная) читают стихи Ахматовой и Пастернака, упоминают Булгакова и Набокова, говорят о своем финансовом положении, называя суммы в долларах... Уж не говоря об используемой ими современной технике – мобильных телефонах, диктофонах и т.п.

Режиссер обнажил эмоции и страсти чеховских персонажей, сделал «подводное» явным, открытым, отношения героев – более определенными и жесткими. И темперамент грузинских актеров как нельзя лучше соответствует такому решению.

Интересны многие актерские работы. Нина – Н. Калатоцишвили – современная, спортивного склада девушка. Вначале она стремительна, порывиста, легка как птица, категорична в оценке творчества Кости. Нина опьянена любовью, окрылена мечтами о служении сцене. Это чувство полета выражено в вальсе (хореография Гии Маргания), Нину кружат в танце разные партнеры, она словно взлетает в их руках. Но внезапно вальс прерывается выстрелом – первая попытка самоубийства Треплева (в финале таким же

образом прерывается веселый канкан).

Козаков поставил спектакль об утраченных иллюзиях. Счастье в принципе невозможно – намек на это прочитывается и в словах Тригорина о «сюжете для небольшого рассказа» - «случайно пришел человек, увидел и от нечего делать погубил» - чайку. Беллетрист предвидит развязку только зарождающихся отношений с Ниной. В пьесе же эти слова произносит в финале сама Заречная...

Н. Калатоцишвили сильно ведет свою партию в финальной сцене. Актриса показывает внутренний надлом и обреченность ее некогда окрыленной Нины. Это так впечатляет, что зритель едва сдерживает слезы... Судорожные движения, дрожь, какая-то сгорбленность делают Заречную похожей на больную, замерзшую птицу. Но она еще хочет летать!.. На сцене. «Цель творчества – самоотдача!» - цитирует она стихи Пастернака и свято верит в это.

Треплев – Ника Кучава в чем-то похож на Нину. Вначале так же стремителен и страстен, в финале – опустошен. У них похожая творческая и личная судьба. Однако если Нина, избавившаяся от иллюзий, готова до конца нести свой крест, то Треплев делает другой выбор. Он маргинал, никак не вписывающийся в реальность, и единственный выход для него – уход. Перед самоубийством Треплев, подобно булгаковскому Мастеру, сжигает свои рукописи. Сходство с героем культового романа подчеркнуто и шапочкой Мастера на голове Треплева.

Н.Калатоцишвили - Нина Заречная

Слабым человеком, почти полностью зависящим от воли женщины, показан Тригорин – в этой роли Дмитрий Схиртладзе. Литератор влюблен в Нину, страстное чувство овладело всем его существом, в збаламуги в стоячее болото души. Он и хотел бы вырваться

из порочного круга взаимоотношений с Аркадиной, из надоевших художественных тем и образов своей беллетристики. И ему дается шанс – через встречу с Ниной. Но он слишком развращен и барственен, коррозия очень глубоко разъела его душу. И его попытка очиститься и взлететь не удалась.

В финале некогда кудрявая шевелюра Тригорина – Д. Схиртладзе прилизана, герой словно навсегда одеревенел, очерствел, тоже, вслед за Ниной Заречной и Костей Треплевым, расставшись с иллюзиями. Напоминание о былом вызывает его раздражение. «Не помню!» - грубо обрезает Тригорин Шамраева (Онисе Ониани). Он помнит все, но!..

Интересно наблюдать за Барбарой Двалишвили – Ириной Аркадиной. Эта капризная обаятельная кошечка в любой момент может выпустить тигриные когти. Замечательна сцена обольщения Тригорина, всерьез

увлекшегося Ниной. Ирина обволакивает партнера лаской, лаской, мягко, но настойчиво увлекает его в постель – и он сдается! Аркадина эгоистична, завистлива, расчетлива, но при этом по-своему любит сына. После его самоубийства потрясенная мать берет в руки чашу с пеплом – то, что осталось от рукописей Треплева. То, что осталось от него. И некогда отвергавшая новые веяния в искусстве и иронично относящаяся к творчеству сына, Аркадина читает монолог из его декадентской пьесы.

Трагедию старости, нереализованных надежд показывает Бесо Бараташвили в роли Сорина. Прячется за цинизмом молодежавый, подтянутый, но по-своему несчастный Дорн – Дмитрий Татишвили. У него тоже все в прошлом... хотя он еще способен не только оценить, но и вдохновиться творческими исканиями, новаторством Кости Треплева. Еще две трагедии – неразделенной любви – являются собой Маша и Полина. Первая (Нино Иоселиани) – это сплошной надрыв, вторая (Манана Козакова) – гротеск... Жизнь – трагикомична по сути своей.

«Я ПОСТАВИЛ СПЕКТАКЛЬ О СЕБЕ!»

- Премьера состоялась. Что вы чувствуете, Михаил Михайлович?

- Радость. Я слушал реакцию зала. Я не знаю, что будет дальше. Я очень доволен актерами, художественным оформлением. Не знаю, какой это спектакль. Как сказал Пастернак, «но пораженья от победы ты сам не должен отличать...»

- Неужели только в современном ключе можно сегодня ставить и воспринимать Чехова?

- Ставить его можно совершенно по-разному. Можно играть ту эпоху, и это тоже было бы очень интересно. Но тогда спектакль подорожал бы раза в три!.. Хотя я не от безвыходности поставил именно ТАК. Мне хотелось ТАК поставить – как некую поэму. Моя «Чайка» - поэма, фантазия. Когда Нина появляется в последний раз после того, как Треплев укололся, публика обязательно будет думать, что это ему кажется...

- Чехов весь на нюансах, на полутонах, а в вашем режиссерском решении все очень обострено, оголено.

- Все меняется – меняется живопись, музыка... Но есть общий закон. В моем спектакле все в чем-то даже традиционно. Да, я перенес действие в наши дни. Но мне хотелось сделать именно поэму «Чайка». О себе самом, о нас. Красивую поэму, трагическую, ироническую. Юмор у Чехова здесь особенный.

- И грустный...

- Ну, «Чайка» - грустная пьеса. Как сказал Бродский: «Жизнь вообще грустная штука. Вы заметили, чем она обычно заканчивается?»

- У меня ощущение, что в каждом герое этого спектакля я вижу частичку вас – и в Треплев, и в Тригорине, и даже в Сорине.

- Любую вещь, которую я ставил, - те же «Покровские ворота», «Визит дамы» или «Фауст», - я ставил про себя. Это могут быть разные персонажи. Другое дело, когда я ставлю комедию или фарс. Там иные задачи, более формальные... Хотя и в этом случае я вкладываю некую свою мысль. Как-то поставил «Невероятный сеанс» Ноэля Кауарда. Очень смешная вещь. У героя одна жена, а вторая с того света появ-

ляется. Про что я ставил эту вещь? Про то, что мужчины всегда хотят иметь нескольких женщин...

- Работая над «Чайкой», вы учитывали грузинскую театральную стилистику, манеру игры?

- Я бы так же поставил и просил бы точно так же играть русских актеров, если бы работал в Москве... но в Москве девять «Чаяк». Я не хотел ставить десятую.

- А почему «Чайка» сегодня нужна нам, вам?

- Но я же сказал, что поставил пьесу о себе. Тригорин говорит о том, что вот он умрет и скажут: «Здесь лежит Тригорин. Хороший был писатель, но он писал хуже Тургенева», и это его мучает. Герой сказал о себе важнейшую вещь: «Я не люблю себя как писателя!» И он не кокетничает, хотя знает себе цену. И я знаю себе цену, знаю, что неплохой актер. Но... Моя жена издевается надо мною, когда я говорю: «Кто мы рядом с Микеланджело? Муравьи какие-то!» Иногда у меня ощущение, что я зря прожил жизнь.

- Комплекс Треплева?

- Чехов раздвоил себя на Тригорина и Треплева, но его человеческие симпатии явно на стороне Треплева, чистейшего художника. Да, у него не получается, да, он ищет форму, да, он хочет стать Бродским... но ему чего-то не хватает. Треплев чувствует свою банальность, ему все хуже и хуже, он не открывает ничего. Но юноша хотя бы честен... Тригорин тоже по-своему честен, только он будет жить себе да жить. Так что Чехов раздвоил себя... и даже «растроил». На Дорна тоже. Заметьте, писатель любит врачей.

- Вам тоже свойственна эта двойственность?

- Да!

- И вы не лукавите, когда говорите, что зря прожил свою жизнь? Ведь вы столько сделали!

- В минуту депрессии мне именно так кажется. Хотя я не хочу гневить Бога. Я прожил очень интересную жизнь, встречался, дружил с потрясающими людьми – поэтами Давидом Самойловым, Арсением Тарковским, Булатом Окуджава. Господи, с кем только я не имел счастье в своей жизни общаться! Я видел много красивого искусства – такого, что многим и не снилось. Я видел «Кавказский меловой круг», «Ричард III» Роберта Стурюа, Верико Анджапаридзе в роли Медеи... Наслаждался искусством Лоуренса Оливье, когда он играл Отелло, Пола Скофилда в роли Гамлета и короля Лира, творчеством гениальных русских актеров... Так что с этой точки зрения я прожил жизнь очень счастливую и не случайно выпустил двухтомник на эту тему.

- А ваш личный вклад?

- А как говорит Пастернак: «Но пораженья от победы ты сам не должен отличать!»

«СЦЕНА ПАЛА!»

- Как сегодня нужно интерпретировать классику, чтобы она была близка нашему зрителю?

- Абсолютно по-разному. Можно играть «Гамлета» в костюмах елизаветинской эпохи. Но тогда должны быть определенные декорации, как, скажем, у Николая Охлопкова, когда были решетки, огромные ворота зловещего замка. Сегодня такой спектакль стоил бы миллиона три долларов. Но дело не только в деньгах, разумеется. Все равно нужно было бы искать в материале современность. Поставил же Франко Дзефирелли довольно недорогой фильм с Мелом Гибсоном. Но его же «Ромео и Джульетта» - очень дорогая

картина. Никто не дал бы ему сегодня таких денег на «Гамлета», какие ему дали много лет назад на «Ромео и Джульетту».

- *Критики объявили конец старой театральной эпохи и наступление новой. Вам интересны новые театральные времена?*

- Иногда это бывает талантливо, например, «Три сестры» у старика Петра Фоменко. Он ввел в спектакль самого Чехова, и некоторые монологи актеры говорят ему, а не в зал... как Чебутыкин. И тогда это здорово. У Кирилла Серебренникова бывают прекрасные, но случаются и ужасные спектакли... Например, «Человек-подушка» по пьесе Мартина Макдонаха - замечательно! Фильм Серебренникова «Изображая жертву» много хуже, чем его же спектакль. Последний более условный, и это больше действует. Самый большой недостаток новой эпохи в том, что нет настоящей современной драматургии. Вы не назовете мне ни одной пьесы, которая по уровню бы могла соперничать с лучшими пьесами Артура Миллера или Александра Володина. Это касается не только русской драматургии. Вот появился ирландский автор пьесы «Человек-подушка» и на него сразу все бросились. Сейчас я читаю стариков – последние пьесы Тома Стоппарда. Он написал трилогию о России. И я вижу, что это плохие пьесы. Там Герцен, Белинский – липа! Такое ощущение, что именно в театре наблюдается отсутствие театральных драматургических идей.

- *А режиссерских?*

- Хорошие режиссеры есть во всем мире – отдельные фигуры. Но, собственно, так было всегда. Какой был гениальный польский театр! Но он перестал быть таким... Какой был интересный чешский театр! Он сегодня не так интересен... Лучшее, что сделал Роберт Стура, - это «Кавказский меловой круг» и «Ричард III» и ряд спектаклей на современном материале того же времени. Так мне кажется... Хотя Роберт Стура – очень талантливый человек.

- *А вы сами уверенно себя чувствуете в новую театральную эпоху?*

- Иногда – ужасно. Потому что мне нечего играть. Я сыграл Лира, Шейлока... а для стариков вообще мало ролей. Я мог бы играть Сорина из «Чайки». Но таких ролей раз-два – и обчелся. Поэтому я делаю очень много поэтических спектаклей.

- *А как вы относитесь к новой драме?*

- А какая она? Где она? Назовите! Я шел в театр, потому что мне была интересна жизнь человеческого духа... Меня не интересует успех. «Цель творчества – самоотдача, а не шумиха, не успех!» Сегодня существуют самые разные театры – даже театр лошадей... Ради Бога, я не против! Но если бы я родился сегодня, то не знаю, пошел бы в актеры или выбрал профессию юриста.

- *Почему?*

- Потому что неинтересно! Ну, почти не интересно! В редких случаях вижу интересный спектакль... такой, как «Человек-подушка» Серебренникова или «Три сестры» Фоменко. Ну, еще такой попсовый, но талантливый спектакль «Лес» Островского поставил Серебренников во МХАТе – перенес действие в 70-е годы. Что-то убедительно и смешно, что-то не очень. Но там есть талантливые вещи.

- *Происходит стирание грани между высокой театральной и попсовой культурой, имеет место даже*

синтез какой-то. Вас это не пугает?

- Пугает. Но мне много лет, и пугаться мне уже не надо. Дело в том, что сериалы сильно влияют на восприятие публики, публика тупеет от них.

- *А режиссеры от них не тупеют?*

- Все тупеют. Я не смотрю эти сериалы, но деваться дома иногда не куда, и я начинаю прыгать как блоха по каналам... Тут посмотрел кусочек – а, дерьмо!, а тут еще сериал – опять дерьмо... Но иногда бывают и замечательные сериалы – например, «Доктор Живаго». Это единицы, штучный товар... так же, как в кино! То же самое происходит и в литературе. Но ведь вначале было слово. Литература о литературе есть – например, замечательная книга Дмитрия Быкова о Пастернаке, монография Льва Лосева о Бродском, исследования Станислава Рассадина, исторические работы. И много такого рода интересных изданий. Я стал с большим интересом перечитывать классику. Так, этим летом перечитал «Войну и мир». Я просто задохнулся, не мог оторваться. Я почти все знаю наизусть! То же самое Чехов или Гоголь в своих лучших вещах – тех же «Мертвых душах». А Тургенева уже читать невозможно!

- *А что происходит в современной поэзии?*

- Как сказал Шамраев в «Чайке» - «пала сцена». Да, пала. Великих дарований нет, зато средний актер вырос. Так и в современной поэзии. Средний уровень поэтов вырос. Они научились – кто у Бродского, кто у Ахмадулиной или Евтушенко... Когда по телевидению Виктор Ерофеев мне заявляет, что постмодернист Дмитрий Пригов – Пушкин двадцатого века, у меня кроме злости и смеха это ничего не вызывает... Последним классиком был Иосиф Бродский.

- *Выходит, мы живем в эпоху середнячков?*

- А вы посмотрите... Это не середняки! Переменилось что-то в мире, понимаете? О чем говорят люди, вы замечаете? Я не ханжа, не пуританин, но престижность заключается сегодня в том, какие у тебя машина, дача, какие часы ты носишь. Вот я ношу часы за 100 долларов и прекрасно себя чувствую. Мне подарили золотые часы какой-то престижной фирмы, а я передарил их. Я и носить такие не хочу. Переменилась шкала ценностей.

- *А вы переменялись?*

- Нет, я только постарел, но не переменялся. В этом ужас! Я не могу меняться нарочно...

- *Помню вашего потрясающего «Фауста» на телевидении и радио. Две замечательные постановки...*

- Это была хорошая работа. У меня были хорошие работы на телевидении и радио. Я очень много в те годы ставил хороших вещей – «Попечители» по Островскому, «Еврей» Артура Миллера...А недавно снял шестисерийный фильм «Очарование зла». Он прошел по всему миру, кроме России. В России он запрещен.

- *Почему?*

- Цензура! Если бы вы увидели фильм, то поняли бы почему... Я рассказываю о тридцатых годах, о ГПУ, Марине Цветаевой, ее муже Сергее Ефроне...

- *А разве цензура – не дело прошлого?*

- Цензура на что-то в прошлом, а кое-что продолжает быть под запретом. Сами руководители каналов знают, как зомбировать публику. Почему «Живаго» пустили в позднее время, с диким количеством рекламы? Шаламова тоже полгода придерживали. А моя

картина, как говорят, очень занимательна, красиво снята – там Париж, Москва, разные времена... Может быть, на будущий год покажут?

ГАМЛЕТ... ДОН ЖУАН... ФАУСТ... СИРАНО

- «Дон Жуан» – один из самых моих любимых спектаклей и ролей... В эпоху 70-х это был спектакль-диспут Дон Жуана и Сганареля. Дон Жуан считает: «Бога нет, а значит, все дозволено!» Жизнь пуста, чем ее заполнить? Если бы он был художник, писатель! Но Дон Жуан проводит время с женщинами – это хотя бы развлекает! Завоевание женщин для него – как театр! Но приходит он к распаду личности. Почему? Потому что он понял – надо лицемерить. Поначалу он хотя бы не лицемерил. А потом сказал: «Я покажу вам как нужно лицемерить!». И вот когда Дон Жуан стал лицемерить, тут-то он и распался. И умер. Могу назвать еще мои любимые спектакли, в которых я сыграл в театре «Современник», – «Двое на качелях», «Сирано де Бержерак», «Обыкновенная история», «Всегда в продаже»...

- *Звездные роли!...*

- Не люблю это слово... В «Дон Жуане» и «Женитьбе» Гоголя я с удовольствием играл у Анатолия Эфроса, а «Месяц в деревне» особенно не любил. А не так давно я сыграл в своем антрепризном спектакле о Бахе и Генделе по пьесе Пауля Барца «Возможная встреча». Есть такой телевизионный фильм, он даже «Тэффи» получил, но показывают его обычно в два-три часа ночи. Считается, что он для интеллигенции.

- *Как вам работало с грузинскими актерами? Стуруа как-то сказал, что грузинские актеры больше следуют интуиции, а русские стараются все постичь умом. А вы почувствовали какую-нибудь разницу?*

- С этими актерами не заметил. Какое там отличие? Одна школа! Мне нравится, что грузинские актеры умеют быстро говорить.

- *Темпоритм в спектакле, я бы сказала, кинематографический.*

- Я живу в таком темпо-ритме. Есть пьесы, которые требуют замедленности, но это должна быть особая пьеса. Когда я ставил пьесу Миллера «Встреча в Виши», я просил актеров: «Не торопитесь, держите загадку!» А в «Чайке» парадокс, но не загадка... Он обожает мать, и она по-своему любит его. Но до чего они доходят? До рукоприкладства... Я люблю эту пьесу больше других. Сначала – «Чайку», потом – «Дядю Ваню». Не знаю, поставлю ли я когда-нибудь «Дядю Ваню». У меня есть для грузинского зрителя одна задумка, но пока не скажу.

- *В Москве вас ожидает еще одна премьера...*

- Это спектакль о Бродском – называется «Ниоткуда с любовью». Это поэтический, музыкально-драматический спектакль с кино, слайдами – такое шоу.

- *Форма шоу необходима, чтобы достучаться с поэзией до зрителя?*

- Нет, я выступаю и с сольными концертами. Выступаю один в больших залах. Но мне иногда хочется сделать интеллектуальное шоу. Потому что написана замечательная музыка на стихи Бродского – ее авторы четыре композитора. Я отбирал лучшее. Вместе со мной играет Володя Качан. Мы играем с ним сцены в КГБ, ОВИРе. Он берет у меня интервью, как Соломон Волков у Бродского, наконец, поет... Настя Модестова играет судью... А я читаю стихи и один раз

напеваю. Когда Бродский был в психушке, он написал: «Проснулся я и нет руки, а было пальцев пять. В моих глазах пошли круги, и я заснул опять. Проснулся я – и нет второй. Опасно долго спать! Но Бог шепнул: «Глаза закрой!» И я заснул опять! Проснулся я – и нету ног... Бежит на грудь слеза. Проснулся я – несут венки – и я закрыл глаза. Проснулся я – а я исчез, совсем исчез! И вот в свою постель смотрю с небес – лежит один живот. Проснулся я – а я в раю, при мне душа одна. А я из тучки вниз смотрю, а там давно война. А я из тучки вниз смотрю, а там везде война!» Вот это я и напеваю. А песни звучат настоящие – блюзы, романсы. В спектакле очень разнообразная музыкальная фактура.

- *К современной критике как относитесь?*

- К хорошей – хорошо. Театроведение существует, но в очень малых размерах. Оно как бы не востребовано.

- *Это тоже тенденция времени?*

- Да! Люди не хотят долго читать. Как и долго смотреть... Нет, катание на коньках они могут смотреть день и ночь – «Звезды на льду» или «Фабрику звезд».

- *И каковы ваши прогнозы?*

- Никаких прогнозов! У меня прогноз один – мне надо работать, обеспечивать моих многочисленных детей, стараться достойно дожить жизнь...

- *Ваше наивысшее достижение, Михаил Михайлович?*

- То, что я не изменял себе. У меня были компромиссы, но в принципе я старался быть верным идеа-

М.Козакова - Полина, Б.Двалишвили - Аркадина

лам своей юности – тому, как меня воспитали родители. Они своим примером учили меня любить искусство в себе, а не себя в искусстве, как писал Станиславский... И тогда крыша не поедет.

- *С вами такого не случилось?*

- У меня бывали радостные моменты... особенно радостно, когда пью (улыбается). Стараюсь пить, когда у меня хорошее настроение. А когда плохое, стараюсь этого не делать. Мама всегда говорила: «Пей веселое вино – не пей грустного вина!» А о личной жизни ничего не рассказываю – о том, сколько раз я был женат, почему меня бросила такая-то жена, а такую-то бросил я... Кого это волнует?

ИННА БЕЗИРГАНОВА

Автограф от М.Королевой

«ЭХО МОСКВЫ» В ТБИЛИСИ, ИЛИ «ГОВОРИМ ПО-РУССКИ ПРАВИЛЬНО»

Нынешний сентябрь подарил мне большую радость – незабываемую поездку в Москву. Встречи с коллегами, преподавателями русского языка и литературы из всех стран СНГ и Балтии, виднейшими журналистами и писателями России, авторами учебников, преподавателями и руководителями, студентами московских вузов и членами Правительства Москвы. Русский язык, его состояние в России и в стремительно сужающемся русском языковом пространстве стран российского зарубежья – эта тема была предметом наших бесед на официальных встречах. А ночами в гостинице, кажется, не спал никто – до утра мы продолжали разговор о русском языке, спорили, делились опытом, обсуждали проблемы, которые, как оказалось, одинаково остро и болезненно стоят перед педагогом русского языка из Грузии и Эстонии, Узбекистана и Туркмении, Молдовы и Украины... В наших странах русский язык стал иностранным. К этому трудно привыкнуть, сложно перестроиться. Тем более, что мало специальной литературы, методических разработок, качественных учебников русского языка. Почти

все мы страдали от нехватки технических средств обучения: компьютеров, видеомэгнитофонов, CD-дисков и видеокассет с обучающими программами. Мы бросались к роскоши московских книжных магазинов и стонали от отчаяния – нам бы это, в наше российское зарубежье! Что уж греха таить – даже приобретение портретов русских писателей для школы сегодня проблема. Не ровен час, следующее поколение наших учеников уже не сможет отличить Чехова от Толстого. Мы с горечью отмечали, что и сами педагоги-русисты, оказавшись в нерусской среде, теряют свой профессиональный уровень, грешат ошибками речи. Не удивительно, ведь словари русского языка в наших странах или большая редкость (особенно в провинции), или цена этих словарей равна половине учительской зарплаты. Грустно, коллеги, грустно!

Тем более можно представить, какой радостью оказалась для нас встреча с удивительно интересным человеком, кандидатом филологических наук, журналистом, заместителем главного редактора радиостанции «Эхо Москвы» Мариной Королевой. Уже много лет Марина ведет специализированную рубрику в «Российской газете», а в радиозэфире выпускает еженедельно программы «Говорим по-русски» (совместно с Ольгой Северской) и собственные ежедневные программы «Как правильно». И в колонке «Российской газеты», и в радиозэфире она весело, легко, эмоционально рассказывает об интересных, трудных и спорных аспектах русского языка. Ее программы с одинаковым интересом слушают дошкольники и студенты, учителя и их ученики, политики, пенсионеры, чиновники и журналисты. А мы так просто вырезали из «Российской газеты» колонку Марины Королевой и клеили своеобразную книжечку, увлекательную и умную, а самое главное, – очень нужную каждому из нас, живущему в зарубежье. А сегодня я держу в руках настоящую книгу Марины Королевой, подаренную мне автором, и горжусь, что я одна из первых ее читателей – книга вышла из типографии как раз в день нашей встречи. «Говорим по-русски» – так называется этот щедрый дар Марины Королевой читателю. И опять к радости примешивается нота грусти – тираж книги всего 20 000 экземпляров. Это даже для москвичей, влюбленных в передачи Марины Королевой, слишком мало. А значит, у нас в Грузии встретиться с этой книгой будет практически нереально. И если, мой уважаемый читатель, все-таки повезет, рекомендую – не задумываясь, меняйте подборку своих самых любимых книг на эту одну. Не пожалеете!

Ну а с менее удачливым читателем, к которому эта книга вероятнее всего не попадет, мне хотелось бы поделиться удовольствием от ее чтения, процитировав хотя бы отдельные странички, тем более, что их содержание – это как раз тема нашей рубрики «Мир русского слова».

Итак, слово Марине Королевой:

«Вот я думаю иногда: должны же в один прекрасный день иссякнуть у нас с вами, и прежде всего у вас, вопросы на тему «как правильно». Представьте себе, просыпаетесь вы однажды, и нет у вас больше этих вопросов, вам все, абсолютно все о языке известно. Ну что, можете себе это представить?.. И я не могу. Потому что чем дальше в лес, как известно, тем больше дров.

Нет-нет, не думайте, у нас не о дровах разговор

пойдет и даже не о лесе.

Поговорим-ка мы о телефонах! Точнее, о **контактных телефонах**. Мне недавно задали вопрос: а чем, собственно, **контактный телефон** отличается от «телефона»? И разве не любой телефон можно считать контактным, если уж он у вас есть и вам по нему можно звонить? Так-то оно так, конечно, да не совсем. Итак, ситуация: вы позвонили в какую-нибудь приемную, например, депутатскую. С вами удивительно вежливо поговорили, выслушали и напоследок пообещали обязательно позвонить.

– Оставьте ваш **контактный телефончик**, – предлагает секретарша.

– Домашний, рабочий? – переспрашиваете вы.

– Любой, – говорит она, – какой хотите, ваш **контактный телефон**, по которому с вами можно связаться.

И вы называете, к примеру, домашний телефон, потому что не хотите, чтобы вас беспокоили на работе. Или наоборот. А если бы секретарша сказала иначе – «ваш телефон»? Согласитесь, это звучало бы менее вежливо. Она как будто приказывает, не оставляет вам выбора, прямо как в отделении милиции: «Ваш телефон!» То ли дело контактный телефон. Это может быть номер вашего мобильного телефона или телефон

Лауреаты Пушкинской премии 2007 года

соседей, а может быть, бывшей жены, да мало ли где вас могут застать. Главное – это ваш выбор. В общем, **контактный телефон** – это демократичнее просто «телефона». Опять же принцип неприкосновенности частной жизни соблюдается».

Вот так непосредственно, на дружеской, доверительной интонации построена вся книга Марины Королевой. Вместе с автором нам позволяется выяснить, как и почему мы должны говорить, и почему нельзя иначе. А еще заглянуть в историю возникновения отдельных вроде бы привычных слов и выражений.

И опять цитирую из книги...

«Папа согласился помочь сыну-школьнику с домашним заданием – и не с каким-нибудь, а по рисованию... Папа, надо сказать, даже увлекся: старательно вырисовывает медвежат, бормоча про себя:

– Ну во-от... Вот таким **макаром** мы их...

Сын насторожился:

– Почему «Макаром»? Кто такой Макар?

Отец рассердился, что его отвлекают:

– Ты давай рисуй, а то загонят нас с тобой, **куда Макара телят не гонял!**

Да что же это за загадочный Макар такой, который высказывает, как джинн из бутылки?

«Засудят тебя и зашлют, куда Макара телят не гонял» – находим мы в одной из пьес А.Н. Островского. Очень далеко, чрезвычайно далеко, в самые что ни на

есть отдаленные, неизвестные места – вот что означает выражение **куда Макара телят не гонял**. Известно оно очень давно, а вот откуда взялось, языковеды могут только предполагать. В Словаре фразеологизмов предположение делается такое: выражение восходит к фольклору, где имя **Макар** ассоциируется с бедным, несчастным человеком, крайним неудачником. Ну и в самом деле, вспомните: «На **бедного Макара** все шишки валятся» или: «Не рука **Макару** калачи есть». В XIX веке макарами в народной речи прозывались плуты, а «макарыгами» – попрошайки. Не исключено, предполагают авторы словаря, что **Макаровы телята** – это вообще фикция, потому что у бедного-несчастливого человека, плута-неудачника телят и другой живности быть в принципе не может. Макаровы телята – это формула невозможного! Такая же, как «показать, где раки зимуют», «на морковкино заговенье» и тому подобное...

Ну а сочетание **таким макаром** (где «Макар», кстати, пишется со строчной, то есть с маленькой буквы) образовалось, очевидно, от выражения «таким образом» с собственным именем Макара. Это не первое выражение, образованное от личного имени: вспомните словечки **«подкузьмить»** и **«объегорить»**.

Вот таким, стало быть, макаром»

Интересно, не правда ли! Но кроме этого, как у всякой талантливо написанной книги, у книги Марины

Королевой есть одно бесспорное достоинство – она заставляет нас задуматься, побуждает нас к творчеству, к поиску. Вот ведь теперь не успокоюсь, пока не выясню, а кто такие были эти Кузьма и Егор, от которых пошло «подкузьмить» и «объегорить». Предлагаю и вам, читатель, поискать. А вот насчет «**показать, где раки зимуют**», то есть очень строго наказать, встречалось мне объяснение в книге В.И. Десятерика «Не хлебом единым». И связано это выражение с мало-

веселыми страницами истории России. Самодуров-Троекуровых на Руси хватало. Ловить зимой раков посылали провинившихся крестьян. Занятие это было трудное и небезопасное, так как приходилось часами искать раков на дне ледяной реки. Не мудрено, что после этого многие не только заболели, но и умирали от переохлаждения. Отсюда, по утверждению автора, пошло выражение. Если кого-то хотели очень сильно наказывать, говорили: «**Я покажу тебе, где раки зимуют**».

Вот так, благодаря книге Марины Королевой, всплыло из памяти что-то давно прочитанное и даже подзабытое.

А кстати, «**благодаря**» – с этим словом, очень многие из нас не совсем ладят и употребляют его не в том значении. И, опять приведу отрывок из книги Королевой, которую хочется цитировать от первой страницы до последней.

«...Можно ли так сказать: «**Благодаря** пожару в здании сгорело несколько замечательных театральных костюмов...» Конечно, так лучше не говорить, ведь могут подумать, что человек радуется факту гибели костюмов! И, тем не менее, похожие формулировки мы слышим довольно часто... После слова **благодаря** следует нечто, за что благодарить как-то странно...»

Прибавлю свои наблюдения. Это уже из нашей прессы: «Благодаря птичьему гриппу из нашего рациона исчезло куриное мясо, а благодаря ящуру магазины приостановили торговлю свининой и говядиной». Получается, что все мы просто-таки мечтали стать вегетарианцами, но не получалось как-то. Но вот пришли спасительные ящуры и птичий грипп – и давняя мечта осуществилась.

«Главное, что нужно запомнить, – советует Королева, – после слова **благодаря** могут следовать только какие-то позитивные факты. Только что-то хорошее! В случае со словом **благодаря** причина и следствие должны находиться в положительных отношениях. Если эта причина – катастрофа, ураган, град, пожар и тому подобное, откажитесь от слова **благодаря**. Вот и все... В таких ситуациях лучше использовать нейтральные предлоги: вследствие, из-за».

Ну что ж, попробуем потренироваться! Благодаря всего нескольким отрывкам из книги Марины Королевой «Говорим по-русски правильно» мы узнали немало нужного и интересного. А вот из-за маленького тиража и других всем известных причин эта книга едва ли попадет у нас в Грузию в руки тех, кто в ней так остро нуждается. Остается только сожалеть.

Виктория ПОПОВА

На Красной площади

Москва юбилейная

КАЗАК И В ГРУЗИИ КАЗАК

Имя этого человека известно многим не только у нас в Грузии, но и за ее пределами. Пресса не обделяла его вниманием в связи с созданием Союза казаков Грузии. Давайте познакомимся с ним поближе. Итак, Василий Иванович Каденец – верховный атаман Союза казаков Грузии, генерал-майор Василий Иванович, по мнению тех, кто имел удовольствие с ним общаться, человек очень скромный, он не кичится своими заслугами и званиями, но относится к ним с должным достоинством и уважением. Он не рвется на голубые экраны телевизоров и страницы газет, так как далек от саморекламы, и не использует в личных целях имена своих многочисленных именитых знакомых. А ведь в наше непростое время редко кто может отказаться от этого. Василий Иванович просто живет и трудится по мере своих сил и возможностей так, как подсказывают ему сердце и разум. В этом человеке чувствуется притягательное сочетание внутренней силы духа и мягкости, большой запас человечности. Он немногословен, не очень любит говорить о себе.

СЫН ДВУХ НАРОДОВ

Василий Иванович Каденец родился в красивом высокогорном селе Мерхеули Гульрипшского района Абхазии. (Кстати, в этом же селе родился и Лаврентий Берия.) Окончил среднюю школу №14 г. Сухуми. Учился с интересом, но отличником не был и не жалеет об этом, хотя впоследствии стал кандидатом, а затем доктором экономических наук. «Отличники часто любят получать готовые и красивые ответы на поставленные жизнью вопросы, не проявляя при этом своей инициативы. Вот почему и удачи судьбы нередко обходят их стороной», – считает атаман.

Говорят, все мы родом из детства. Для Василия Ивановича оно не было легким - только закончилась Великая Отечественная война. Рос он в бедной сельской семье, познав все трудности нелегкой крестьянской жизни с малых лет. Любил книги, музыку, увлекался спортом. Семья была интернациональной: отец

– кубанский казак Иван Васильевич Каденец, моряк, попавший в годы войны в Сухуми, полюбивший гостеприимную Грузию; мать – простая грузинская женщина Татьяна Илларионовна Беселиа.

Василий Иванович по образованию агроном, он окончил Грузинский институт субтропического хозяйства. Позже - Высшую партийную школу в г. Баку. Сем-

В. Каденец

надцать лет работал в партийных органах: был секретарем ЦК комсомола Грузии, первым секретарем Сухумской районной партийной организации, был заместителем председателя Таможенного департамента Грузии. Его заслуги достойно оценены правительством СССР и Грузии: в 1980 году совсем молодым Василий Иванович стал кавалером ордена Дружбы народов. Впоследствии удостоен ордена Трудового Красного Знамени, а в 1997 году награжден орденом Вахтанга Горгасали III степени, который был присвоен Указом Президента Грузии за проявленную гражданственность в борьбе за территориальную целостность Грузии и высокую общественную активность. Этот орден - итог 35-летней трудовой деятельности В.И. Каденца и 50-летия жизненного пути.

Главная мечта атамана – восстановление территориальной целостности Грузии, чтобы не страдали

Благословение Католикоса-Патриарха всея Грузии Илии II

лыми, готовыми постоять за себя, и русское правительство использовало их для охраны границ. Со времен подписания Георгиевского трактата роль казачества в Грузии возросла. Иррегулярные высококомандные казаки отряды придавались армейским частям и использовались для внезапных и дерзких ударов, засад и разведки, рейдов в тыл противника, боевого охранения и стремительных атак. Казаки действовали как в конном, так и в пешем строю. Непосыпными трудами и храбростью казаки с давних пор служили делу сохранения мира на Кавказе. Илья Чавчавадзе отмечал, что жить стало спокойнее, численность населения в Грузии выросла, т.к. границы стали хорошо охраняемы,

вдали от дома 300 тысяч беженцев, а скорее бы смогли они вернуться к родным очагам и посетить могилы своих родных, близких, друзей, чтобы скорее начали строить в Абхазии мирную и счастливую для всех жизнь. Главное – не опускать руки и верить.

Таковы этапы большого пути-жизни верховного атамана Союза казаков Грузии, действительного члена Международной академии информатизации, вице-президента казачьего отделения Академии, члена Всемирного Казачьего Совета и полномочного представителя Союза казачьих войск России и за рубежом в Закавказье, члена президиума Международного центра народной дипломатии при Госдуме РФ, генерал-майора В.И. Каденца, целеустремленного и трудолюбивого человека с прекрасной душой. У Василия Ивановича много друзей, он – радушный хозяин и примерный семьянин: у него обаятельная жена, двое детей – сын и дочь, двое маленьких внуков. А еще Василий Иванович пишет стихи, и в них – выстраданные мысли и чувства, боль и радость. Талантливый человек талантлив во всем.

А теперь немного истории, так как не все еще знают, кто такие казаки и какое отношение они имеют к Грузии. Слово «казак» имеет тюркское происхождение, и в древние времена разные народы понимали его по-своему: у греков оно означало белых оленей, у половцев – белых гусей, у мегрелов – настоящих мужчин. Теперь же это слово ассоциируется с образом свободолюбивого человека. Первые казаки в Грузии появились более 400 лет назад. Они упоминаются здесь во времена Ивана Грозного. Казаки во главе с гетманом Мазепой гнали из Грузии турок, вместе с Леваном Дадиани защищали Грузию от врагов. Императрица Екатерина II переселила в Грузию казаков из Запорожской Сечи. Казаки всегда были людьми сме-

М. Домрачев

и войны стали реже. Казаки жили в разных уголках Грузии. Кстати, на месте города Лагодехи в прошлом веке располагался лагерь отдыха казаков. Потомки казаков проживают в этом городе и сейчас; и до сих пор не забыты ими места захоронений русских солдат и казаков на старом кладбище.

Сегодняшний Союз казаков Грузии родился во время грузино-абхазского конфликта. При этом преследовались две цели. Первая – после распада СССР и последовавших вслед за этим перемен во всех областях жизни, после развала партийных и общественных организаций возникла необходимость консолидации людей для решения многих социальных и общественно-политических вопросов. Вторая цель – противодействие сепаратизму и содействие культурным и экономическим связям Грузии с Россией.

«Во время войны в Абхазии часть казаков, по иронии судьбы, воевала на стороне сепаратистов. Было очень обидно, что они действуют против единоверцев, с кем связано их историческое и культурное прошлое. Этому надо было положить конец. Так в Сухуми появилась первая казачья организация под руководством атамана Владимира Рыбакина. Были также предприняты попытки повлиять через казачьи формирования России на происходящие в Абхазии процессы. Последствия той войны тяжелы для казаков – часть их оказалась в Грузии, часть – беженцами в России, немало казаков погибло, – вспоминает В.И. Каденец. – Первоначально в Союз казаков входило 50 человек, теперь – сотни, среди них есть представители различ-

рии Владимировны Романовой-Багратиони – главы Российского императорского Дома». Великая княгиня, приветствуя казаков, отметила важную роль казачества в истории и благословила его возрождение на благо общенародных интересов.

В 2005 году произошло еще одно яркое событие в истории Союза казаков Грузии – встреча В.И. Каденца с президентом США Джорджем Бушем в рамках его визита в Грузию. В ходе встречи Буша с представителями этнических меньшинств Василий Иванович поинтересовался позицией США в абхазском конфликте. Президент США подтвердил, что он – сторонник мирного разрешения абхазского конфликта. Буш отметил, что любые социально-общественные, культурные и экономические контакты между конфликтующими сторонами будут сближать людей, а для этого надо наладить совместные программы.

25 июля 2005 года верховный атаман Союза казаков Грузии получил послание из Белого дома, в котором Дж. Буш выразил благодарность за встречу с ним и констатировал: «Я оценил Вашу историю, и одобряю Ваши усилия строить более яркое будущее для всех Ваших соотечественников». По приглашению Всемирной казачьей ассоциации делегация

Встреча атаманов Грузии, России, Украины

ных национальностей, проживающих в Грузии. Католикос-Патриарх Всея Грузии Илия II благословил нас на добрые дела».

Союз казаков Грузии выступает за дружбу и братство между народами, в связи с этим активно участвуют в съездах казачьих делегаций Грузии, России и стран СНГ. Делегация Союза казаков Грузии приняла участие в I и II Всемирных конгрессах казаков, что позволило встретиться ей с коллегами из разных стран мира и наладить контакты и сотрудничество в разных сферах. В очередном круге Союза казаков нетрадиционных мест проживания Василий Иванович призвал казачью общественность поддержать мирное разрешение абхазского конфликта. В 1997 году с этой целью в Тбилиси был проведен совет атаманов России и Грузии, которые поддержали инициативу «За мирный Кавказ», ведь военная форма не обязывает их воевать, она самобытна и является символом охранны Родины.

Очень важно, чтобы общество поняло, что казаки – это миротворцы, а не наемники. Выступив на втором Всемирном конгрессе казаков, проходившем в столице мирового казачества в г. Новочеркасске в 2005 году, В.И. Каденец предложил установить в Сухуми памятник Примирению и Соглашению, подчеркнув, что «у многих казаков – грузинская кровь, а у многих русских – грузинские корни. Подтверждением тому служит участие в праздничных торжествах Ма-

Рабочая встреча с послом Российской Федерации в Грузии В.Коваленко

грузинского казачества планирует побывать с дружеским визитом в Нью-Джерси, где расположена штаб-квартира этой организации.

С первых дней своего существования Союз казаков Грузии проводил различные благотворительные акции: оказывал помощь детскому дому в Коджори, шефствовал над Ольгинским и Дзегвским монастырями, оказывал гуманитарную поддержку пожилым людям. «Однако, такой возможности уже у нас нет, - отмечает атаман, - нам самим нужна спонсорская поддержка, чтобы организация не потеряла свое лицо, свое назначение, а ведь при поддержке и внимании со стороны государства мы могли бы принимать активное участие в общественно-политической жизни страны и консолидации деятельности Союза казаков Грузии охватывают также защиту прав и интересов соотечественников, содействие

Заседание совета атаманов в г. Старочеркасске

Встреча Президента США Д.Буша с представителями национальных меньшинств Грузии

мые для наших народов, многие века живущих в мире и согласии. Василий Иванович отметил, что встреча с Чрезвычайным и Полномочным Послом Российской Федерации в Грузии г-ном В.Е. Коваленко в апреле этого года дает основания верить, что вскоре все станет на круги своя, нужны совместные усилия всех общественных организаций. Казаки заинтересованы в стабильной обстановке как в Грузии, так и в России, чтобы молодое поколение обеих стран выросло воспитанным в духе лучших традиций наших дедов и отцов.

«Нам хотелось, чтобы нас, представителей этнических меньшинств замечали не только по «большим праздникам», а делалось это как в Российской Федерации, где грузины представлены во всех сферах жизни страны. Демократическое государство строится не одним днем – впереди долгий и трудный путь,

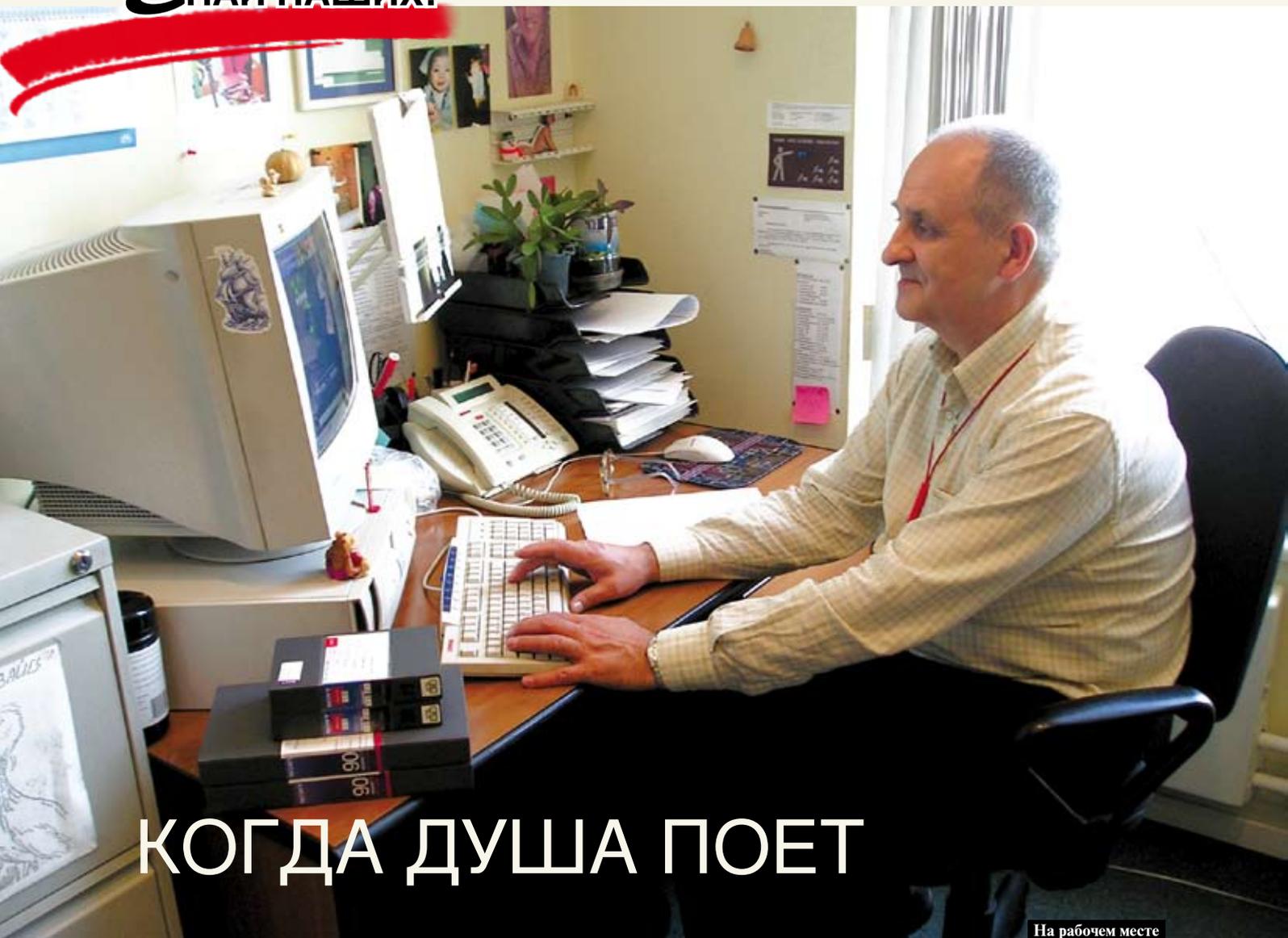
в решении различных социальных проблем.

Сегодня по-прежнему актуальна и другая цель Союза казаков – это возрождение, сохранение и развитие казачества и его самобытности, а также сохранение и повышение роли русского языка и русской культуры в жизни многонациональной Грузии, и готовность казачества участвовать в различных образовательных программах и культурных мероприятиях, служащих сохранению исторического и духовного наследия соотечественников.

Не исключает верховный атаман и участие казаков в улучшении российско-грузинских отношений, которые в последнее время не совсем приемле-

и, главное, надо идти к цели целеустремленно и достойно, используя все широкие возможности народной дипломатии. В этом плане большую работу проводит Иван Алексеевич Кононов – верховный атаман Союза казаков нетрадиционных мест проживания. Его активная деятельность помогает восстанавливать дружбу между народами, возрождает чувство доверия друг к другу, все будет хорошо. Ведь недаром российский посол Вячеслав Евгеньевич Коваленко сказал замечательную фразу: «Души наших народов звучат в унисон», – заключил беседу атаман.

ЕЛЕНА ДАМАНСКИТЕ

КОГДА ДУША ПОЕТ

На рабочем месте

1974 год. Театральная жизнь грузинской столицы бурлит, и оба русских театра – ТЮЗ и Тбилисский русский драматический театр им. А.С. Грибоедова в самой гуще этого театрального бума. Руководят грибоедовским театром два замечательных человека – сын великого Георгия (Гоги) Товстоногова, режиссер Александр Георгиевич Товстоногов, и прекрасный директор Отар Давидович Папиташвили.

В те времена все чаще в грибоедовском театре стал появляться скромный немолодой (37 лет!) человек по имени Заур, родной брат актрисы театра Ирины Квицинадзе. Быстро сдружившись с грибоедовской труппой и досконально изучив репертуар, он внимательно наблюдает за актерской работой. Ему позволено присутствовать на репетициях, его допускают на празднования по случаю премьер и юбилеев, и постепенно он становится своим в актерской и режиссерской среде. Наблюдая, как остроумно поздравляют и пародируют коллег грибоедовские поэты Грузец, Петровский и Злобин, Заур пробует делать то же самое, иногда решаясь показать свои сочинения друзьям-актерам Волемиру Грузцу, Валерию Петровскому, Леониду Пяруну, сестре Ирине, Валентине Семиной, Ариадне Шенгелая, Людмиле Артемовой,

Замире Григорьян и другим. Представлен Заур и самому Сандро (А.Товстоногову), чей авторитет непререкаем, и чье мнение не обсуждается. Понаблюдав за новым другом театра, Сандро отметил его литературные способности и взял это на заметку. К тому времени Заур уже пишет сценарии театральных капустников и остроумные поздравления по случаю театральных премьер.

В октябре 1976 года Товстоногов решает на эксперимент: он поручает Зауру Квицинадзе сочинить тексты песен для спектакля «Девятый праведник» по пьесе польского драматурга Ежи Юрандота. Поставленную задачу Заур и композитор Александр Раквиашвили решают мгновенно, и вот уже ведущий молодой актер Игорь Копченко в ноябрьской премьере с успехом выдает рок-н-ролл, написанный специально для спектакля, а популярная Валентина Семина не без удовольствия выпевает свой музыкальный номер. Сразу же Заур получает новое задание – написать песни для спектакля по пьесе А. Чхаидзе «Свободная тема», причем песни должны комментировать театральное действие. И снова быстро создаются песни на музыку Раквиашвили. Товстоногов ставит по краям сцены двух актеров с гитарами, и они активно

сопровождая все действие, свободно существуют в организме этой молодежной пьесы. Как и в первом случае, спектакль имеет успех, он замечен прессой, а песня «Компромисс» даже особо отмечена журналистами.

Сандро принимает решение взять Заура на работу в театр на должность редактора литературной части. В мае 1977 года Заур Квижинадзе становится полноправным грибоедовцем и с головой окунается в театральную жизнь. В том году с большим успехом прошли премьерные спектакли по пьесе завлита театра А. Котетишвили «Райские яблочки», и премьерный банкет был украшен отличными стихотворными пародиями нового редактора литчасти на персонажей спектакля и актеров-исполнителей главных ролей.

Вскоре Заур и сам оказался на сцене, исполняя небольшие роли в массовках, а иногда даже и в эпизодах с текстом. При этом, он всегда был готов к работе над любыми текстами и жаждал новых творческих поручений. В 1977 году Заур пишет оригинальную детскую пьесу «Подарок Буратино», героями которой стали персонажи известных сказок. Конечно, не обошлось без подражания творческой манере Евгения Шварца и Григория Горина, которых Заур считал и продолжает считать своими учителями. Товстоногов, ознакомившись с пьесой, принял ее, поручив постановку актеру Леониду Пярну. И спектакль получился отменный! К тому же он был музыкальный: каждый персонаж имел свою песню (композитор М. Одзелашвили). Разыгравшиеся актеры буквально купались в ролях, с удовольствием импровизируя. Спектакль держался три сезона, радуя не только детского, но и взрослого зрителя.

В начале 1979 года Товстоногов принимает к постановке сценическую композицию актрисы театра народной артистки Грузии Елены Килосанидзе «Светлой памяти...», посвященную А.С. Грибоедову. Понятно, что в спектакле должна

прозвучать музыка великого поэта-дипломата – его знаменитые вальсы. Но необходим и романс, в качестве музыкального воплощения любовного союза Александра Грибоедова и юной Нины Чавчавадзе. Сандро начинает репетиции. Проходит какое-то время, и однажды в три часа ночи дома у Заура Квижинадзе раздается телефонный звонок, и разбуженному редактору литчасти говорят, что с ним будет беседовать САМ! Из раскалившейся в руках Заура

З.Квижинадзе

телефонной трубки слышится знакомый покровительственный «наполеоновский» глас: «Заурбек?! Не спите? (!!!) – (Сандро, всех, кроме самых близких, называл на «вы») – «Да нет, Александр Георгиевич... я ... тут...» – «Ценю, ценю... Значит так. Нужен романс Нины и Грибоедова. Юбилейная постановка! Задача ясна?» – «Ясна, Александр Георгиевич!» – «Отлично! Выполняйте!»

Остаток ночи Заур провел за листом бумаги, и к утру романс был готов. Ракивашвили положил романс на музыку, без единой поправки, сделав вступлением один из грибоедовских вальсов. Товстоногов романс принял, и в спектакле его исполнили: от имени Александра Грибоедова – Игорь Копченко, и от имени Нино Чавчавадзе – Елена Килосанидзе. Вот этот романс:

На творческом вечере в Москве

С актерами театра Ариадной Шенгелая, Игорем Копченко, Волемиром Грузцом

(начало спектакля)

Александр:

Ужель, ужель,
Ужель на склоне лет
К твоей любви я прикоснулся?
Нежданно, вдруг
Блеснул манящий свет,
И жар любви в душе проснулся...

Вместе:

Судьба, судьба
Венчала нас с тобой...
Бредем во тьме
С горящею свечой...
И пусть она не гаснет никогда –
Свеча, зажженная любовью...

(финал спектакля)

Нина:

Звучит твой вальс,
Рождаясь в тишине,
И с гор повеяло прохладой...
И знаю я,
Что в этой жизни мне
Теперь уж ничего не надо...

Пусть тленно все
В обители земной,
Любовь моя,
Навеки ты со мной...
Зачем, зачем тебя пережила
Любовь, зажженная тобою...

Спектакль выходит в феврале 1979 года. В этом же году Заур создает песни для детской постановки «Город без любви» по пьесе Льва Устинова (режиссер – Лейла Джаши). С этого момента начался творческий союз поэта Заура Квижинадзе и композитора Тенгиза Джаиани, автора музыки к этому спектаклю.

В 1979 году во главе грибоедовского театра становится замечательный режиссер Гайоз Жордания. В 1980 году Заур Квижинадзе работает над песнями к спектаклям «Синие кони на красной траве» М.Шатрова и «Новогодняя сказка» («Огненная змейка») В.Алексеева и А.Правдина.

Летом 1981 года в соавторстве с Гизо Жордания Заур Квижинадзе создает инсценировку знаменитого романа Нодара Думбадзе «Закон вечности». Посмотрев спектакль, Думбадзе признал инсценировку Квижинадзе и Жордания лучшей из многочисленных драматических интерпретаций романа. В этом же 1981 году Заур пишет песни для спектакля «Старомодная комедия» Арбузова и «Красная шапочка» Шварца. В 1983 году выходит детский спектакль «Волшебник Изумрудного города» (режиссер – Гурам Черкезишвили) с подобранной музыкой и текстами песен Заура Квижинадзе. В этом же году Заур пишет песни для спектакля «Памела». В 1984 году Зауром были написаны тексты песен для спектаклей «Восточная трибуна» и «Приятная женщина с цветком и окнами на север». В этом же году Лейлой Джаши был поставлен спектакль «Золушка» по Евгению Шварцу. Для этого спектакля Тенгиз Джаиани и Заур Квижинадзе написали целую обойму песен,

а кроме того Зауром была написана дополнительная и очень смешная сцена выбора невест для принца. Заур и сам успешно играл в «Золушке» придуманную им роль распорядителя. В 1985 году для спектакля «Звезда немого кино» им была написана песня «Маска Коломбины», исполненная замечательной актрисой, народной артисткой СССР Натальей Бурмистровой. А в 1986 году вышел спектакль «Белоснежка и семь гномов» с песнями Заура Квицинадзе, а сам он исполнил в спектакле придуманную опять же им роль Палача. В 1987 году выходит мюзикл «Ключ», где на популярные западные хиты 30-х, 40-х, 50-х годов прошлого века Заур пишет целый ряд запоминающихся текстов. Сам он выступил в небольшой роли, потребовавшей от него, между прочим, умения и петь, и танцевать.

Работая в грибоедовской труппе, Заур не замыкался только в этом коллективе. О его способностях быстро и качественно писать тексты песен и работать с драматургическим материалом стало известно в других театрах города. И в эти годы для русского ТЮЗа Заур создает новую редакцию русского варианта пьесы Владимира Якашвили «Волшебный камень», дополнив ее циклом песен, а также вместе с А.Раквиашвили они создают отличный мюзикл «Остров сокровищ». Оба спектакля пользовались у взыскательной тбилисской публики большим успехом. Работает Заур и для русского кукольного театра. Им написаны тексты песен для спектакля «Здравствуй, здравствуй, добрый день!» и другие.

В эти же годы выходит сборник детских песен известного композитора Нуну Габуния на тексты Заура Квицинадзе. Сотрудничает он и с другими композиторами. Так, им написано несколько песен для известно-

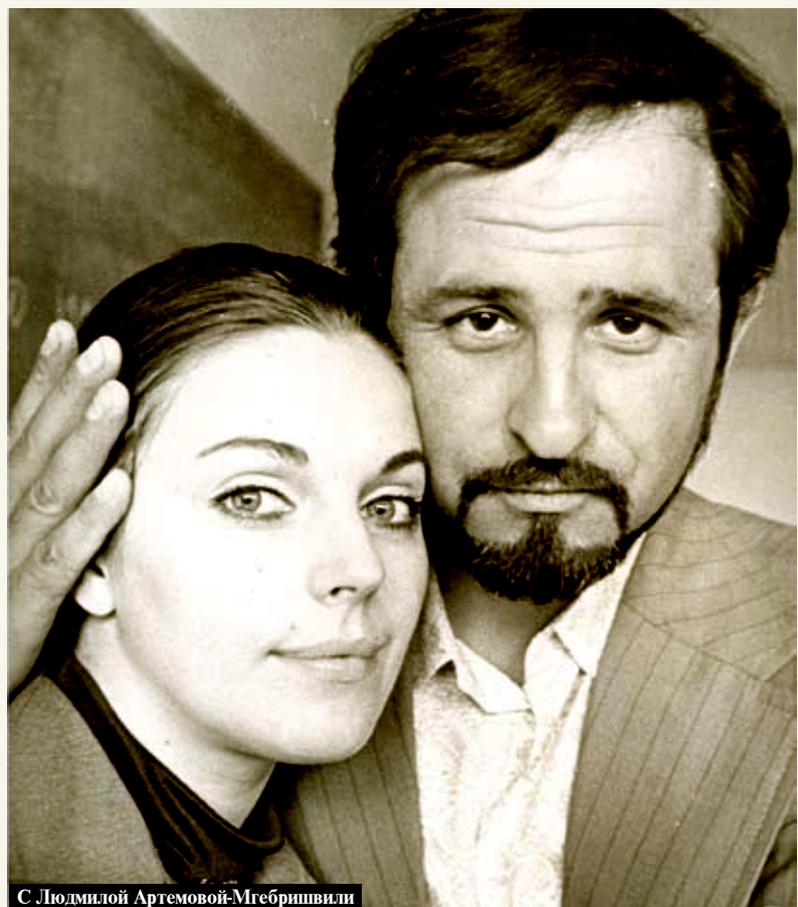
го музыкального ансамбля «Блиц» Валерия Качарова, создан новый русский вариант «Солнечной песенки» композитора А. Раквиашвили для ансамбля «Мзиури», а также написано несколько песен по заказу руководителей детского ансамбля «Маиси» Рафаэла Казаряна и Александра Раквиашвили.

В 1988 году в грибоедовском театре вышел спектакль «Колокола», в котором звучали песни Тенгиза Джаиани на слова Заура Квицинадзе. А годом позже Зауром были написаны песни для детского спектакля «Два клена» по пьесе Е.Шварца в постановке Нины Иоффе.

В ноябре 1991 года Заур Квицинадзе переезжает в Москву и работает на «Мосфильме». Вместе с ним начинает московскую жизнь и бывшая тбилисская «тюзянка» Валя Кудряшева, ставшая Зауру женой. Под руководством известного продюсера Рената Давле-

Александр Георгиевич Товстоногов и Отар Давидович Папиташвили

С Людмиллой Артемовой-Мгебришвили

тьярова Заур работает на съемках фильмов «Стрелец неприкаянный» (режиссер Георгий Шенгелия) и «Три сестры» (режиссер Сергей Соловьев). Его давний друг, бывший актер тбилисского русского ТЮЗа и художественный руководитель тбилисского театра «Элва» князь Михаил Чавчавадзе, переехавший в С.-Петербург и возглавивший там «Белый театр», заказывает Зауру пьесу «Красную Шапочку» по мотивам Ш. Перро. Через некоторое время пьеса готова. Для персонажей написаны песни (композитор А. Раквиашвили, также переехавший в Москву). Но у Чавчавадзе меняются планы, и пьеса некоторое время остается невостребованной. Своё сценическое воплощение она находит в московском «Театре у камина» Анны Макагон, где идет по сей день.

С Ириной Мегвинетухуцеси в спектакле «ЗОЛУШКА»

Кроме того, вот уже десять лет эта пьеса в репертуаре Днепропетровского русского драматического театра. Она также была поставлена бывшей грибоедовской актрисой Замирой Григорьян в Лондоне, и бывшим актером тбилисского ТЮЗа Владимиром Обрезковым в Перми. А недавно пьесой заинтересовался Пензенский драмтеатр.

Благодаря исключительной целеустремленности и настойчивости жены Валентины, в начале нового века у Заура в Москве вышел сборник «Стихи и песни Уходящего Слона», куда вошли многие юношеские стихи и песни, написанные для спектаклей. Усилиями Валентины и Анны Макагон была организована презентация этого сборника, вылившаяся в творческий вечер автора. На презентации присутствовали студенческие друзья, актеры тбилисского драмтеатра им. А.С. Грибоедова, сослуживцы, представители литературной и театральной общественности.

Сегодня Заур работает старшим редактором программной дирекции телекомпании НТВ. Но связь с Тбилиси, с любимым театром не потеряна, и весь театр знает, что к Зауру всегда можно позвонить, и он обязательно сумеет помочь, если это будет в его силах – по любому вопросу. А если театр собирается в Москву на гастроли, то руководство и труппа знает, что и встречать и проводить коллектив обязательно будут Заур Квижинадзе и Валентина Кудряшева, и они будут участвовать в размещении актеров, помогут с рекламой и организацией зрителя. Потому что в семье Заура всех грибоедовцев любят! Любят Наташу Бурмистрову, Тамару Белоусову-Шотадзе, Люсю Артемову-Мгебришвили, Джемала Сихарулидзе, Мишу Амбросова, Валю Войнову-Папаташвили, Леву Гаврилова, Иру Мегвинетухуцеси, Христо Пилиева, Валеру Харютченко, Гурама Черкезишвили, Инну Воробьеву, Нану Дарчиашвили, Карину Кения, Аллу Мамонтову-Цхадая, Толю Гайде, Нико Гомелаури, Рамаза Иоселиани, Лейлу Джаши, Дину Балакиреву, Асмат и Нодара Ашкарелашвили, Рафика Гевеняна, Наташу Кобахидзе, Темо Сухишвили и всех, всех, всех, кто носит имя грибоедовец, многих из которых ныне судьба разбросала по разным странам.

В период подготовки недавнего 160-летия театра им. Грибоедова Заур и Валентина провели огромную работу по поискам бывших грибоедовцев, их оповещению и снабжению билетами на поездку в Тбилиси. Незабыва-

емые дни юбилейных торжеств Заур и Валентина провели в Тбилиси. А незадолго до юбилея Заур и Тенгиз Джаиани написали песни для новой постановки театра – мюзикла «Чипполино». При этом композитор и поэт находились в разных городах: Заур – в Москве, Тенгиз – в Тбилиси. Связывались между собой они посредством компьютера и по телефону. Мюзикл имел большой успех в Тбилиси и прекрасно был принят на гастролях московским зрителем. Сестра Заура, заслуженная артистка Грузии Ирина Квижинадзе, в июле 2007 года поставила на грибоедовской сцене музыкальную сказку «Мое милое привидение» Николая Квижинадзе (родно-

С Ариадной Шенгелая

го брата Заура). Песни для этого спектакля были созданы все тем же дуэтом – Тенгизом Джаиани и Зауром Квижинадзе.

Давняя дружба связывает Заура со всем коллективом театра и со мной. Эта дружба помогает Зауру не чувствовать себя оторванным от замечательной театральной труппы, членом которой он продолжает себя считать, несмотря на то, что очень любит свою родную телекомпанию НТВ, где успешно трудится уже 12 лет...

НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОЕДИНЯЮЩЕЕ ЗВЕНО.

Письмо другу

Сегодня провел очередное занятие со студентами первого курса, русской группы, театрального института им. Ш. Руставели – будущих актеров театра им. А.С. Грибоедова.

Студенты работали с упоением, наслаждаясь каждым словом, каждой фразой читаемых произведений, но пока их артистический дар не позволял мне насладиться творчеством читаемых авторов...

Вышел к морю. Оно такое теплое, манящее; я закрываю глаза и чувствую что я, как дубовый листок, гонимый ветром, качусь назад, все дальше и дальше в прошлое. И вот, я опять в 70-90 годы в Тбилиси, в театре им. Грибоедова. На горизонте всплывают лица моих замечательных партнеров по сцене, целые отрывки из прекрасных спектаклей, украшавших тогда афишу любимого театра. Волны принесли мне отрадное чувство того, что не все ушло и кануло в Лету. Я задумался, как мой народ, перенесший такие непростые времена, не утратил любовь к русскому языку, к русскому театру. Доказательством тому – русская актерская группа в Театральном институте. Я точно знаю, что в любой семье, стержнем, связующим звеном, между всеми родными являются мать и отец. Тогда все обитатели дома – единое целое.

И на сегодняшний день этим соединяющим звеном в театре им. Грибоедова являешься ты, мой друг, Николай Николаевич Свентицкий, а по-домашнему – Коля!

Выразить свои чувства уважения, любви, восхищения довольно трудно, глядя прямо в глаза человеку. Зная тебя, слышу ответ: «Ты что, с ума сошел, прекрати!» Потому я выбрал другую форму признания; мне захотелось сказать все эти слова через прекрасный журнал «Русский клуб». Да, через письмо в журнал! Пусть эти строчки прочтут обладатели очередного номера, т.к. говорить о тебе легко и радостно, и есть, что сказать. Сколько интересных дел, встреч, презентаций, спектаклей придумано тобой и претворено в жизнь. Как не вспомнить вечера поэзии, посвященные творчеству Пастернака и Есенина. К великой моей радости мне довелось участвовать в этих вечерах. Врезался в память спектакль о Есенине, когда в Батуми весь зал в конце вечера пел вместе с артистами финальную песню композитора Тенгиза Джаиани.

Не выходит из памяти вечер-концерт «Поет Татьяна Малышева». Вся музыкальная элита пришла слушать любимую певицу и благодарить тебя за этот концерт.

А 160-летний юбилей театра им. Грибоедова! Кто мог такое придумать, кто мог претворить это в жизнь? Ты совершил невероятное, – собрав со всего света бывших артистов театра, ты пригласил именитых гос-

Э.Кухалейшвили на юбилее школы искусств

тей, ты превратил юбилей в сказку!

Мой друг! То, что подвластно тебе, вряд ли подвластно кому-либо. Ты потрясающий организатор, неустойчивый фантазер; твоя жизнь и сердце полностью отданы любимому делу. Как-то, дорогой моему сердцу человек, Григорий Давидович Лорткипанидзе сказал: «Коля, ты должен быть директором всех театров!» – и это действительно так.

Как не сказать о том, какой воспитательный отдых-семинар организовал ты студентам на берегу Черного моря. Курс ведет замечательная актриса театра и кино Ариадна Шенгелая. Все жили в прекрасных условиях, отдыхая, загора и одновременно постигая основы русской сценической речи. Это же надо было такое придумать, организовать!

Поразительный ты человек, Коля. Ты делаешь столько добрых дел, твои руки друга тянутся ко всем, кто нуждается в поддержке и помощи. Ты всегда думаешь о театре, о коллективе, создаешь все условия для творческого горения. Поверь, мне так хорошо идти по жизни рядом с тобой и чувствовать твою дружбу. Дай Бог тебе здоровья, счастья и исполнения всех твоих красивых замыслов.

P.S. Этому случаю я был свидетелем совсем недавно. В театре «Современник» шел «Вишневый сад»:

– Продан сад?

– Продан.

– Кто купил?

– Я купил, – сказал Лопухин.

По залу пронеслось изумленное «а-ах!»

Так, спустя столько лет, эти люди узнали, кто купил вишневый сад...

Заслуженный артист Грузии
Элибар КУХАЛЕЙШВИЛИ
г. Москва

Неизменность достоинства

Старые истины неизменны: чем дольше знаешь человека, тем труднее о нем писать. Тем более, когда это имя свыше полувека знает вся Грузия. Теперь, беседа с Гурамом Сагарадзе в этой хорошо знакомой театральным людям старой тбилисской квартире, вновь с тайной радостью убеждаюсь в неизменности всего, что было ему отпущено природой и свойственно всегда, - аристократическая естественность, органичная, непоказная демократичность,

прямота суждений. Правда, в глазах появилась не свойственная ему прежде грусть, и некая отстраненность от повседневности, - впрочем, это уже привилегия большой жизни, с высоты которой вспоминается о минувшем...

- Когда думаешь о детстве, вспоминаются самые любимые люди, моя бабушка, мама моего отца, которая фактически меня вырастила. Мама и папа жили

Г. Сагарадзе на Тбилисбоба

“Ефрейтор“ в “Кавказском меловом круге“

неподалеку отсюда, на улице Крылова, а я жил у бабушки на Мтацминда, на улице Кипиани. Потом отец получил эту квартиру, и мы уже жили вместе.

У нас часто собирались артисты, общественные деятели, друзья моего отца, Георгия Сагарадзе, я помню их беседы о театре, об искусстве. Вспоминается, с каким триумфальным успехом прошли тогда в Москве гастроли театра Руставели во главе с Сандро Ахметели. Это были еще детские впечатления, но я хорошо помню, как радовался, что театр Руставели наградили орденом Ленина, орденом удостоились ведущие артисты, и мой отец получил орден «Знак Почета». И люди восхищенно говорили: вот идет орденосолец. Тогда это было очень большим событием.

Вот так, сударь мой, шли годы, я учился здесь же, на Плехановском, в 6-й «железнодорожной» школе. Вспоминаются друзья, многих из которых, увы, уже нет, – нас осталось всего несколько человек, мы и теперь продолжаем начатое тогда наше братство и дружбу.

- А время было страшное: массовые аресты, когда от шума подъехавшего к дому автомобиля люди замирали в страхе - за кем приехали?

- Да, тяжелое было время. Но я тогда еще много не знал, не понимал, да и не мог воспринимать все, как было. Уже потом, с годами, мы осмысливали то, что тогда происходило, переваривали и связывали меж собой какие-то факты, смутные догадки, но и потом информация была минимальной, – все это или скрывали от людей, или преподносили в совсем ином

свете. А потом была война, для большинства людей – тяжелая, полная лишений жизнь, талоны на хлеб и другие продукты. Правда, людям известным – заслуженным ученым, артистам, в числе которых был и мой отец, – жилось немного легче, их «прикрепляли» к каким-то магазинам, где стоять в очередях приходилось меньше, – это, кажется, называлось «лимит Б». Был, наверно, и лимит «А». И этот период мы прошли.

Но главное, о чем я вспоминаю, – Дворец пионеров! Он был для многих из нас колыбелью хорошего, даже блестящего воспитания, образования. Это был очаг искусства, науки, сотни детей занимались в самых разных кружках – литературных, музыкальных, научных, технических. Сколько известных людей оттуда вышло – Резо Табукашвили, Лана Гогоберидзе, Рамаз Чхиквадзе, с которым мы дружим с тех пор, Гоги Гегечкори (он был старше нас), Лейла Абашидзе, – всех не перечислить! Мы ходили в драматический кружок и кружок художественного чтения, в которых начинали многие известные мастера грузинского театра. Педагоги у нас были просто замечательные, они привили нам любовь к театру, литературе, поэзии, преподавали нам первые уроки мастерства, проложили нам дорогу в искусство. Это Нодар (Бичико) Чхеидзе (отец режиссера Темура Чхеидзе, – А.Б.), один из ведущих актеров театра Руставели, блестящий педагог, изумительный человек. Это Тедо Церодзе, режиссер грузинского ТЮЗа, фанатично влюбленный в театр. И это благодаря им мы не сомневались в выборе профессии, поступили в Театральный институт, стали артистами. Вспоминаются удивительные встречи во Дворце пионеров с известными деятелями культуры, писателями, поэтами, композиторами, учеными, имена которых были известны далеко за пределами Грузии.

- Они были окружены большим почетом, всегда были на виду...

- Конечно! Их знали, ими гордились все – рабочие, крестьяне, представители интеллигенции, члены правительства...

- Естественно, – ведь это была элита нации...

- Да, элита, и ее представители составляют гордость любого народа. И я всегда гордился и горжусь теперь, что такие блестящие личности жили в моей стране.

- Если сравнить, кто был более заметен, более известен в стране, – деятели культуры и ученые или, скажем, секретари райкомов, министры?

- Знаете, хотя мы и ругаем советский период, но он тоже был разным, и надо сказать и о том хорошем, что действительно было. Да, были периоды репрессий, как и в других странах. А уже в относительно нормальные времена люди искусства, науки, все, кто своим трудом добился успеха, жили по тем временам достойно, пользовались всеобщим уважением.

Достаточно сказать, что мой родной театр Руставели побывал с гастролями и на театральных фестивалях в десятках стран мира. Была такая организация – Госконцерт, которая и финансировала такие поездки. А ведь зарубежная поездка большого коллектива требует огромных средств, и государство эти средства выделяло. Да, разумеется, тот государственный строй имел огромные недостатки (что, в итоге, и привело к его развалу), но не отметить положительные стороны тоже нельзя. Кому-то кажется, что все начинается се-

годня, и прежде ничего не было. Но ведь это не так! Вспомните историю грузинского искусства, науки, выдающихся математиков, физиков, биологов, историков, режиссеров, композиторов, писателей, поэтов, артистов, – перечень известных миру имен займет немало места. Все это было, и отбрасывать, отказываться от этого только потому, что это было в советское время, нельзя!

- Об этом и говорить как-то неудобно, ведь развитие нации, накопление духовных ценностей – процесс непрерывный, хотя зависит во многом и от характера политического строя, – может расцветать или, наоборот, замедляться...

- Вы упомянули секретарей райкомов, – среди них было немало очень интересных личностей и хороших специалистов. И первые лица государства и республики ежедневно фигурировали на страницах прессы и на телеэкранах. Но и артистам, писателям, ученым отводилось не меньшее место, и внимание к их творчеству было постоянным.

Родители

В кругу любимых

- В этом было и стремление контролировать творческие процессы, но духовная жизнь всей страны, и, в частности, Грузии, была не в пример богаче и гармоничнее, чем теперь.

- У нас были замечательные отношения с нашими коллегами практически из всех республик, незабываемые гастроли во многих городах Союза. Особые отношения связывали нас с русским театром, – разве можно забыть гастроли в Тбилиси Малого театра, «Современника», «Таганки», ленинградского театра им. Комиссаржевской...

- ...бенефис Георгия Товстоногова и гастроли БДТ...

- Это незабываемо! И столько радостных встреч с нашими коллегами и друзьями. У нас до сих пор сохранились дружеские отношения с выдающимися

русскими артистами. Правительства приходят и уходят, а эти люди продолжают творить высокое искусство и даже после своего ухода остаются в благодарной памяти современников.

Сейчас в отношениях между нашими странами далеко не лучшие времена, но все это необходимо урегулировать, — мудро, тактично, дипломатично, наконец. Ведь от этого страдает столько ни в чем не повинных людей, и, главное, мы просто не имеем права

Гурам и Тания

так бездарно терять накопленные за века взаимные духовные ценности, дружбу, добрососедство. Нам всем этого будет очень не хватать, а восстанавливать всегда труднее, чем рушить.

- Увы, многое теперь изменилось. Каким вам вспоминается прежний Тбилиси?

- Ну, разве можно сравнить тот Тбилиси с нынешним! Конечно, колоссальная разница. Во-первых, здесь проживало гораздо меньше людей, город был уютным, а теперь — как головастики, чуть не вся Грузия сюда съехалась. Я желаю всем нашим людям благополучия, чтобы Бог им помог наладить нормальную жизнь, — и в Тбилиси, и во всех других городах и уголках Грузии. Но, все-таки, Тбилиси во многом утратил свой неповторимый облик, какую-то внутреннюю теплоту, размеренность, — тбилисцам ведь никогда не была свойственна суетливость. Я не хвастаюсь тем, что я — истый тбилисец, нет, старых, настоящих, как мы иногда говорим, тбилисцев немало. Просто, нам всегда приятно было пройтись по знакомым с детства улицам, а когда гуляли по Руставели, на каждом шагу встречали знакомых, останавливались, беседовали. А сейчас... Да нет, я не говорю о себе, моих ровесников осталось не так уж и много, но и такой молодежи, как тогда, таких отношений, какие были, сегодня, мне кажется, городу не хватает. Слишком много других людей появилось в городе, — тех, кто его не любит так, как любили мы.

- Недаром ведь считается, что тбилисец — это как национальность, кем бы ты ни был по происхождению или вероисповеданию...

- Да, Тбилиси — особенный город. Где я только ни побывал, в скольких прекрасных странах и городах, но такого взаимопонимания, такого ощущения принадлежности к своему городу нигде не замечал. Это, к счастью, осталось и теперь, хотя безжалостное время на все накладывает свой отпечаток. И очень важно суметь сохранить эти ценности, передать их нашим вну-

кам и правнукам. Да возьмите любой уголок Грузии, — какая природа, какие люди, но ведь если молодежь уедет оттуда в город, — все может нарушиться! Разве может деревня опустеть? Если крестьянин утратит любовь к земле, если не обласкает лозу, не соберет плоды своего нелегкого труда, — что же тогда останется? Ведь это корни наши... Столько вопросов, столько проблем, — разве можно об этом не думать, когда что-то не то делается! Я не хочу видеть у нас нищих, не хочу видеть беспризорных детей. В Грузии, которой Господь даровал такую землю, такое небо, такое море, не должно быть голодных и несчастных...

Судьба актерская изменчива и не у всех идет «по восходящей», но среди сценических и экранных образов Гурама Сагарадзе трудно припомнить «проходные», — начиная еще с нашумевшей постановки Михаила Туманишвили по пьесе «Когда такая любовь» Павла Когоута, недавний выпускник сразу вырвался в «звезды». И едва не с самого начала конкуренцию Сагарадзе-актеру составлял Сагарадзе-чтец, и пристрастие это, подкрепленное несомненным и редким талантом (даже в России хороших чтецов теперь можно пересчитать по пальцам — Алла Демидова, Михаил Козаков, Сергей Юрский, Алиса Фрейндлих...), стоит в его творчестве особняком.

- Из грузинских актеров в этом жанре запомнились Зинаида Кверенчиладзе, Эроси Манджгаладзе...

- Нет, обращались к нему и другие, но не всем удавалось достичь того масштаба, который свойствен грузинской поэзии. Я могу назвать еще Мурмана Джинория, Элдино Сагарадзе, но поэтические вечера теперь вообще проводятся очень редко...

- В силу сложности жанра?

- Да, это не каждому под силу, для этого нужен особенный талант, особое видение, особый слух. Это абсолютно независимое от театра искусство. Это сложно, и тяжело: ты стоишь перед залом один и испытываешь огромную ответственность, — примет ли искушенная аудитория твою трактовку того или иного стихотворения, и сможешь ли ты открыть мир поэзии тем, кто пока от него далек.

- А русскую поэзию читали со сцены?

- Всего раза два, не больше. Это очень трудно, для этого нужно знать язык в совершенстве, владеть им, как хороший скрипач — своей скрипкой.

Я вот сейчас вернулся с очередной лекции в Университете театра и кино, где преподаю художественную речь. Мы сделали несколько хороших, как говорят, поэтических вечеров, — вот взгляните на эти афиши. Это были вечера Галактиона, Ладо Асатиани, Ильи Чавчавадзе, Мурмана Лебанидзе, Мухрана Мачавариани. А сейчас с 4-м курсом готовим очередной вечер грузинской поэзии.

- И как сами студенты к этому относятся?

- Знаете, я, конечно, желал бы большего, но есть и на редкость увлеченные ребята. Хотя, мне бы очень хотелось, чтобы все наши выпускники владели речью безукоризненно. Ведь это главное богатство нации. Те из них, кто не попадет в театр, будут работать, скажем, на телевидении, радио, на эстраде, — везде необходима правильная речь.

- В последние годы вы и ваши коллеги и друзья — Рамаз Чхиквадзе, Карло Саканделидзе, Джемал Ганидзе — возвращаетесь на родную сцену нечасто, лишь вместе с легендарным «Кавказским меловым

кругом»...

- Пока что это так. И «Кавказский меловой круг» остается точкой нашего соприкосновения с театром Руставели.

- Этот спектакль стал действительно уникальным явлением мирового театрального искусства, - вот уже более 30 лет он волнует зрителей по-прежнему...

- Ну, о чем говорить, этот спектакль объездил весь мир. И зрители, и критика везде принимали его однозначно – с восхищением.

- В нем удивительно слились драматургия Брехта, режиссура Стуруа, музыка Канчели, сценография Месхишвили, актерский ансамбль...

- Да, это удивительное слияние как режиссерского решения, так и большого труда и таланта композитора, художника, и, конечно, актеров, - совместный творческий взлет, который привел к такому потрясающему результату. Считается, что это вообще один из лучших спектаклей в истории грузинского театра.

В «Круге» у Гурама Сагарадзе сразу три роли: рвущийся к власти князь Казбеги, прохиндей-ефрейтор и монах-пропойца. Полнокровная органичность, которой исполнен каждый из этих разноплановых образов, - свидетельство высокого актерского класса. И перестраиваться с одной роли на другую – задача не из легких.

- Конечно, нельзя их сравнивать. Просто, роль ефрейтора больше по объему. Свое место есть и у князя Казбеги, большая смысловая нагрузка у монаха, - фразы, которые я произношу в этой роли, и сегодня звучат по-особенному. «Кавказский меловой круг» потому и выдержал испытание временем, что является универсальным, отвечает на многие вечные вопросы.

Последний (пока что) по времени выход Гурама Сагарадзе на сцену театра Руставели состоялся в день открытия Звезды в его честь. Сцены из спектаклей сменялись неповторимым, сагарадзевским, чтением любимых поэтов, – творческий вечер стал истинным праздником театра и поэзии.

- Это был благотворительный вечер фонда Пааты Бурчуладзе «Иавнана». И мне очень приятно, что рядом со мной на сцене была моя дочь и коллега Марина Сагарадзе. А перед театром, рядом со Звездами моих друзей, Медеи Чахава и Рамаза Чхиквадзе, появилась и моя Звезда. Мне как-то странно и неудобно говорить об этом, но вот вошло это в практику, в том числе, и у нас. А вечер действительно получился хорошим, – это было своего рода резюме всего моего творчества.

- И лишь одно, наверно, навевало грусть, - там не было Тани...

- О, она была бы безумно рада, моя Таня! Женщина, которая всегда была полна жизни, и все ее так любили. В домах моих друзей не бывает застоля, чтобы не вспомнили Таню (независимо от того, нахожусь я там или нет), - такую она заслужила любовь и уважение. Я уже не говорю о наших соседях, о Таниных студентах, которые в ней души не чаяли. Вы ведь знаете, - здесь всегда полно было молодежи, все они буквально выросли в этой комнате, у некоторых уже внуки, но до сих пор они являются друзьями этого дома. Она была удивительным педагогом, и у нее было редкое взаимопонимание с молодежью. Я иногда даже говорил ей в шутку: «Пожалей меня, и сама от них хоть немного отдохни». Нет, она была

удивительным человеком. И театр любила безумно. Собственно, и отношения наши возникли на этой почве, – сама Таня, ее отец, Михаил Александрович Бухбиндер, замечательный музыкант. Он был главным дирижером Тбилисского театра оперы и балета, затем создавал Новосибирский оперный театр и был его главным дирижером. А потом вернулся в Тбилиси и вновь дирижировал в оперном театре, – он родился в Кутаиси и без Грузии жить не смог. В вашем журнале была статья о Тане, - спасибо.

Всех, кто с самого детства был рядом со мной, объединяет любовь к искусству. И моя сегодняшняя жизнь наполнена внутренним ощущением того, что я прошел нормальный путь, и я ни о чем не сожалею. Много, конечно, осталось несделанным, не сыграны многие роли, которые хотел сыграть, но что сейчас об этом говорить, - за одну жизнь всего не успеешь. И мне не на что жаловаться, - у меня были и есть такие друзья! И в театре и вне театра! Благодарю Бога за то, что Он их мне послал. Вы видели в моей комнате фотографии моих уже ушедших друзей, - у меня часто болит душа, когда вспоминаю, как хорошо нам было вместе, и с благодарностью думаю, как много мы друг от друга в этой жизни научились...

P.S. Еще один «штрих к портрету». На протяжении многих лет без участия Гурама Сагарадзе (народного артиста и обладателя еще целого ряда высоких званий и регалий) не обходился практически ни один правительственный концерт, но в партию он, несмотря на настойчивые предложения, так и не вступил. Все отшучивался, - я, дескать, пока не готов стать членом КПСС. Так и остался беспартийным (как, впрочем, и Рамаз Чхиквадзе, и Карло Саканделидзе).

По вечерам его ждет традиционный покер в кругу старинных друзей (в казино бывает редко). И хотя ломберный стол не сцена, но и здесь порой такие бушуют страсти!

А завтра он, как обычно, спустится по знакомой с детства лестнице во двор, сядет в свою старенькую «Волгу» и поедет в институт – сеять для будущего грузинского театра разумное, доброе, вечное. Кто-то из «будущих» подкатит к альма матер в современном авто, – только суть ведь не в этом, а в том, что, как любит повторять Гурам Сагарадзе, «жить нужно так, чтобы не стыдно было оглянуться назад...»

Андрей БЕЛЯВСКИЙ

АЛЕКСАНДР ФИЛИППЕНКО:

«НАДО БЫТЬ ГОТОВЫМ К ПЕРЕМЕНАМ»

Его любимый жанр – трагифарс. Его главная «обманка» – играть, ничего не играя, как будто это и есть твои слова...».

Да и вообще на сцене он часто более напоминает шамана, нежели актера, и в спектакле, переполненном людьми, порою забываешь и о них, и о сюжете и не отводишь взгляда от его шаманства, в которое перерастает актерская игра.

Этим летом Тбилиси посетил Александр Филиппенко, приехав с моноспектаклем «Демарш энтузиастов» (название взято из одноименного рассказа Сергея Довлатова), по произведениям Аксенова, Жванецкого, Высоцкого, Довлатова, а также чтобы проконсультироваться, провести открытую репетицию с Робертом Стурра, впоследствии это также будет моноспектакль «Продукт» по пьесе знаменитого современного английского драматурга Марка Равенхилла. Неслучайно Филиппенко – один из самых любимых актеров Роберта Стурра, поскольку он почти в совершенстве овладел искусством гротеска, невероятной сценической, интонационной пластичности, умением держать зрителей на нерве, в постоянном напряжении, и главное – быть не собой, иначе говоря неузнанным в каждой новой роли, тем самым сохраняя свой уникальный актерский дар, потому что одно из главных свойств настоящего актера – всегда быть разным.

- Все работы в Москве с Робертом Стурра были самыми значительными, самыми дорогими для меня. Бывает для актера огромный выигрыш в лотерею. И это самое приятное. Мы ведь общаемся иногда с ним короткими фразами, словами. Он посылает мне месидж, слово современное, на мою актерскую фабрику, и там все взрывается, сразу начинает работать. Мы, актеры, идем на сцену, в театр за этим процессом, который вначале возникает в тебе, и потом, если это умеешь, передаешь зрителям.

Приезд сюда – продолжение добрых традиций общения людей на основе хорошей литературы, хорошего спектакля, хорошего дела, ведь хорошее дело объединяет. Если будут люди смеяться на моем вечере, где читаю произведения Довлатова, Жванецкого, что может быть лучше? Ведь именно тогда, в таких случаях, что-то повиснет между зрителем и актером, некое облако доброе, вот ради этого доброго облака я и приехал.

Спектакль «Демарш энтузиастов» - о далеких 60-х, о трудных застойных 70-х, но это было время нашей молодости, и я говорю вначале: пусть каждое поколение вспоминает свою молодость как лучшее время. Она одна, она пройдет, и вся ностальгия - не

по тем временам, а по ушедшей молодости. На моих выступлениях в Москве часто бывает молодежь, и это желание передать им определенную настрой: не сдаваться, бороться, идти вверх, все вперед и выше.

- Довлатов считал, что талантам нужны ограничения. Какие ограничения нужны Вам, учитывая пропаганди-

А. Филиппенко

руемый вами принцип вахтанговской школы «сперва завизируй, потом импровизируй»...

- Да, нас так учил Захава. Очень много ограничений: профессия зависимая. Я вообще не сторонник импровизаций. Есть и какие-то собственные ограничения, конечно. При выборе материала определенными вещами я, безусловно, руководствуюсь. Воспитанный на хорошей классической литературе, русской, советской... Мне вполне хватает этого репертуара.

- Учитывая вашу «обманку», когда любой текст может казаться Вашим собственным, хочу спросить: иногда думается, что чем точнее актер читает текст, то есть читает точно по тексту, тем больше у него свободы: в интонации, оттенках...

- Нет-нет, все зависит от режиссера. «Я хочу, чтобы ты Гамлета сыграл», - говорит он, например, и уже чувствует, видит, знает, что будет...

- Но если речь идет о моноспектаклях?

- Как правило, я произведения отбираю определенным образом, и просто хочу, чтобы эти мысли прозвучали для данного зрителя в этот момент, в этот временной промежуток.

- Вы вспоминали, как вас учил Михаил Ульянов, что «актер должен строго следить за собой — не дай Бог сорвешься!» Что имелось в виду, в каком смысле?

- Речь о тех проектах, в которых участвуешь.

- Почему вас спрашиваю... Гандлевский мне в интервью сказал, что «поэт обязан следить за своей ду-

шой еще и профессионально, как артист или спортсмен за своим телом»...

- Правильно, потому что тело – наш инструмент. Мы им работаем. Но слова-то мы произносим – поэтов, запускаем их слова в свой механизм, в свое тело. Это правильно сказано.

- То есть поэт играет роль души, а вы – тела?

- Ну что-то такое, да.

- Человек из искусства более стойкий, более гибкий?

- Он должен быть и стойким, и гибким. Но это так трудно. И когда сосной, и когда тростником...

- Антонен Арто говорил: «Театр невозможен без определенного элемента жестокости, лежащего в основе спектакля. В том состоянии вырождения, в котором мы все пребываем, можно заставить метафизику войти в душу лишь через кожу»...

- Да-да-да. Что-то резкое должно быть. Элемент жестокости может быть и в том, когда мы неожиданно лучом проводим по залу, ярким лучом фонаря. Это тоже жестокость для зрителя. Встряска какая-то должна быть.

- Он имел в виду и отношение к себе...

- Все вместе. В пограничной, в резкой ситуации постоянно находиться. Как Достоевский, который входил в очень потаенные, далекие закрома, уголки нашей души.

- То есть перманентная роль Джека-потрошителя, особенно у поэтов и писателей...

- Вот именно об этом речь, да. Но есть и те, которые просто рассказывают истории, интриги, это тоже писатели – ведь надо уметь рассказать просто историю.

- Вы часто вспоминаете о «странном случае»,

Оказывается, это Бортко с группой выбирал точки для съемок. Он представился и говорит: «Коровьева вы уже играли. Сыграете у меня Азазелло?» Конечно, я согласился. И снимался с огромным удовольствием, хотя полновесных сцен у меня всего две. Теперь хочу сделать программу по Булгакову, чтобы молодежь послушала, как слово звучит, как буквы умели складывать», теперь, как понимаю, Вы хотели бы сделать моноспектакль по Булгакову...

- Поскольку я участвую в этом большом булгаковском проекте... Это Рынок, но с большой буквы. Сами посудите, приехать в Киев, пойти в дом Булгакова и быть просто экскурсантом? Надо что-то придумать для этого дома. Так же, как с Мариэттой Чудаковой, она заведует фондом, который располагается в «плохой квартире» номер 50 на Чистых прудах. Я туда и молодых тяну.

В кругу почитателей

- Вы считаете, что молодежь не считывает те тексты прежней реальности во всех нюансах («молодежь этих погружений не будет считывать»). А если задуматься: как мы считываем, например, Пушкина?

- Это трудный вопрос. Может быть, и Пушкин, и Гоголь станут такими же музейными для современного, совсем молодого зрителя, как для нас Державин, Карамзин, Ломоносов.

- Сергей Юрский считает, что эпоха Пушкина закончилась.

- Да, это одна из идей его. Будем думать, посмотрим, что будет.

- Вы любите строки Давида Самойлова: «Вот и все. Смежили очи гении./ И когда померкли небеса,/ Слово в опустевшем помещении/ Стали слышны наши голоса./ Тянем, тянем слово залежалое,/ Говорим и вяло, и темно./ Как нас чествуют и как нас жалуют!/ Нету их. И все разрешено». Есть ли сегодня в искусстве гении?

- Есть, вы знаете, есть. Затрудняюсь сказать, когда нахожусь на близком расстоянии. Но хочу подчеркнуть другое. Мы можем сколько угодно критиковать современный театр. Но кто-то что-то делает, все равно находятся люди, молодые люди, которые, в этом мейн-стриме участвуя, работают. Обязательно есть. Процесс не останавливается. И театральный, и любой другой в искусстве, он идет, и новый, неожиданный возникает постоянно. Надо быть готовым к переменам. Вот что я хотел сказать.

ИННА КУЛИШОВА

На пресс-конференции

когда Бортко вас пригласил на роль Азазелло, причем Коровьева вы уже до этого сыграли у Юрия Кары («Это был странный случай – он сделал мне предложение прямо на Патриарших прудах. Я живу рядом, и как-то показывал своему двоюродному брату и его друзьям булгаковские места. Иду по точкам и размахиваю руками. А параллельно по тротуару идет компания и указывает на те же места. В центре – огромный мужчина.

ПРОИГРАВШИХ НЕ БЫЛО

В футбол играют настоящие мужчины, подумалось, чуть перефразировав слова популярной песни Александры Пахмутовой, 31 августа. В этот день на поле спортивного городка Лужников состоялся товарищеский футбольный матч ветеранов России и Грузии, заставивший учащенно биться сердца болельщиков со стажем.

Вспомнились слова Котэ Махарадзе, знаменитого спортивного комментатора и театрального актера, о Великой эпохе советского футбола, когда он, ни на секунду не изменяя «своим» – тбилиским динамовцам, болел и за других – за ЦДКА времен Григория Федотова и Всеволода Боброва, за московское «Динамо» периода послевоенной триумфальной поездки в Англию (19:9!), за «Спартак» эпохи Никиты Симоняна, Сергея Сальникова, Игоря Нетто, за Стрельцовско-Ивановское-Воронинское «Торпедо», перманентно за киевских динамовцев, за «Арсенал» времен 1972-1973 годов.

Почему вспомнились эти идущие от сердца слова? Ответ прост – лужниковский матч посвящался светлой памяти легендарных Николая Озерова и Котэ Махарадзе. Оба беззаветно трудились на ниве спорта, доводя жанр спортивного радиорепортажа до высоты подлинного искусства. Вот почему, презрев возраст и понятную профессиональную усталость, на поле вышли футболисты-ветераны.

Сборную России готовили к матчу Никита Симонян и Вячеслав Егорович. Это – Алексей Прудников, Валерий Шавейко, Борис Поздняков, Александр Новиков, Вагиз Хидиятуллин, Юрий Гаврилов, Георгий Ярцев, Сергей Ольшанский, Дмитрий Кузнецов, Александр Мирзоян, Борис Черенков, Андрей Якубик, Андрей Пятницкий, Александр Сорокин, Александр Кокорев, Александр Орлов, Валерий Шмаров, Вячеслав Егорович...

И грузинская сборная была представлена громкими именами футбольных звезд тбилисского «Динамо» разных лет: Отар Габелия, Рамаз Урушадзе, Нодар Хизанишвили, Вахтанг Коридзе, Кахи Цхададзе, Манучар Мачаидзе, Вахтанг Копалеишвили, Нугзар Каклашвили, Александр Чивадзе, Григорий Цавава, Леван Нодия, Гела Кеташвили, Отар Коргалидзе, Владимир Гуцаев, Рамаз Шенгелия, Георгий Немсадзе, Гоча Джамараули, Каха Гогичаишвили, Гоча Джухадзе...

«Никакие временные сложности не в силах разрушить дружбу между российским и грузинским народом, – сказал мэр Москвы Юрий Лужков, открывая спортивный праздник. – Мы были, есть и будем вместе».

Перед началом игры девушки в национальных русских и грузинских костюмах преподнесли хлеб-соль капитанам команд Юрию Лужкову и Манучару Мачаидзе. И по свистку судьи в поле арбитра УЕФА Наталии Авдонченко начался товарищеский матч, который на этот раз судила женская бригада арбитров.

События на поле комментировали в прямом эфире Георгий Саркисянц и Григорий Твалтвадзе.

«Звезды» светили и на трибунах, где выделялись как прославленные ветераны отечественного футбола Алексей Парамонов, Анатолий Исаев, Анатолий Ильин, Валентин Ивакин, Виктор Понедельник, Виктор Царев, Валентин Бубукин, Сергей Кутивадзе, Анзор Кавазашвили, Илья Датунашвили, Маргарита Озерова и Валентина Яшина – вдовы великих спортсменов, так и народный артист СССР Иосиф Кобзон, всемирно известный дирижер, основатель и художественный руководитель камерного оркестра «Виртуозы Москвы» Владимир Спиваков, президент Олимпийского комитета России Леонид Тягачев, президент Федерации борьбы России,

На поле и на трибунах

олимпийский чемпион Михаил Мамаишвили, президент Союза грузин России Михаил Хубутия и другие.

Результат матча, организованного московской мэрией и Союзом грузин России, устроил обе стороны – боевая ничья 4:4. У хозяев поля отличились Якубик (дважды), Шмаров и Лужков, причем мэр Москвы провел еще два мяча, выступая во втором тайме в составе грузинской сборной. Еще два мяча записали на свой счет Гогичаишвили и Цаава.

И еще долго зрители на трибунах вспоминали незабываемые моменты с участием российских и грузинских мастеров кожаного мяча, выступавших некогда под одним флагом сборной СССР, дарящие радость поклонникам великой игры.

АРСЕН ЕРЕМЯН

КТО СТОЯЛ У КОЛЫБЕЛИ «АБЕСАЛОМА»

П. Мирианшвили

Круг творческих отношений Захария Петровича Палиашвили с семьей Черепниных, петербургских музыкантов, для которых Тбилиси стал прибежищем на период Независимой республики Грузия, заслуживает отдельного разговора. Вынужденная эмиграция обрекла их имена на забвение, и, казалось, навсегда оторвала отца и сына от России и Грузии. Однако, новая встреча все-таки состоялась. В 1967 году всемирно признанный композитор Александр Николаевич Черепнин, посетив Советский Союз, дал авторский концерт и в Тбилиси. Концерт был обставлен чрезвы-

чайно скромно и прошел почти незамеченным; негласная политика отторжения от общественной памяти культурных ценностей «поры меньшевиков» все еще имела силу. Александра Черепнина вернула русской культуре музыковед Людмила Зиновьевна Корабельникова, впечатляюще воссоздав в своей книге «Александр Черепнин: долгое странствие» творческий портрет выдающегося композитора. Во второй главе этой «документальной биографии» - «На холмах Грузии» - вступающий тогда в свое третье десятилетие Александр Черепнин представлен на фоне музыкального Тифлиса, где его дарование раскрыто во всем блеске своих граней, где многоопытный журналист Владимир Степанович Ананов безошибочно определил его будущее. Сюрпризом для историков музыкальной культуры стало открытие Л.Корабельниковой Александра Черепнина как деятельного критика на страницах тифлиских периодических изданий. Не довольствуясь материалами, переданными семьей Черепниных в базельский архив, Л.Корабельникова попросила автора этих строк продолжить поиски в газетах и журналах Независимой республики Грузия. Исходя из нынешнего состояния библиотек и музейных фондов, предложенная задача оказалась отнюдь не простой. Так была начата моя работа над музыкально-критическим наследием А.Черепнина.

О деятельности Николая Николаевича Черепнина – композитора, оперного и симфонического дирижера, концертирующего пианиста, одного из первых директоров Тбилисской консерватории, профессора по классу композиции, и его сына, Александра Черепнина, в то время студента, читатель «Русского клуба» мог узнать из моей статьи «О тбилисской оперной «мозартяне» (2006, №10). На этот раз рассказ пойдет о том, как представил в прессе Александр Черепнин выход в свет оперного первенца Захария Палиашвили – «Абесалом и Этери» и о том, какое участие приняли Черепнины в этом культурно-историческом событии.

Тифлисская публицистика Александра Черепнина охватывает три года, и оперная критика занимает в ней небольшое место. Но даже короткие заметки содержат ценную информацию. Как, например, о бенефисе Евгения Вронского в опере «Таис», в которой автор делится впечатлением от взволновавшего его выступления в заглавной роли знаменитой грузинской певицы Ольги Шульгиной-Бахуташвили. Позднее известный оперный режиссер Михаил Квалиашвили вспоминал, что в описываемый период пение этой артистки не доставляло былой радости. Однако, заметка Черепнина, опубликованная за месяц до премьеры «Абесалом и Этери», где О.Шульгиной-Бахуташвили предстояло дать путевку в жизнь сценическому образу Этери, свидетельствует о неувядаемости артистического обаяния и нерастраченности голосовых возможностей певицы.

На премьеру «Абесалом и Этери» (21 февраля 1919 года), значительное событие в истории грузинской музыкальной культуры, дважды откликнулся А.Черепнин.

Но прежде – о связях между Захарием Палиашвили и семьей Черепниных, сведения о которых отсутствуют в опубликованных биографических материалах грузинского композитора.

22 сентября 1918 года худсовет Тифлисского опер-

З.Палиашвили и А.Цуцунава после спектакля

ного театра принял решение о постановке рекомендуемой комиссаром и главным режиссером Александром Ражденовичем Цуцунава оперы «Абесалом и Этери». Яков Львов, член худсовета и известный критик по вопросам литературы и искусства, сообщает через газету «Кавказское слово», что танцевальные и ансамблевые номера были представлены в исполнении Н.Н.Черепнина на фортепиано (пробы в Тифлисе к этому времени насчитывало около двух месяцев).

Издание музыки «Абесалома» началось с арии Этери из 1-го акта («Мачеха»); она вышла в 1919 году в переложении для голоса и фортепиано с текстом на двух языках; автор русского варианта – Александр Черепнин.

Известно, что Палиашвили, продирижировав первыми спектаклями, решил передать оперу талантливому Самуилу Александровичу Столерману. Однако такое намерение на некоторое время отодвинулось вторгнувшимися в личную жизнь Столермана трагическими событиями, и дирижирование «Абесаломом и Этери» было поручено Н.Н.Черепнину. Его дебют, состоявшийся 24 марта 1920 года, совпал с бенефисом молодой певицы С.Г. Манденовой, и в рецензии на спектакль отмечалось, что выбранная ею для бенефиса партия Этери была исполнена с проникновенностью и большим артистизмом. Несколько отступая от темы, укажем, что эта артистка, представлявшая во время первого представления оперы Наану, мать Мурмана, по сей день не значится в списке исполнительниц главной роли, что, очевидно, будет исправлено в будущих библиографических изданиях. «В

спектакле впервые дирижировал не сам автор, - комментировал в газете профессор консерватории Сергей Чемоданов. – За эту работу взялся г.Черепнин. Она была проведена весьма успешно». Выступлению Н.Н.Черепнина за дирижерским пультом, если учесть тогдашнее состояние хора и оркестра, предшествовал напряженный труд.

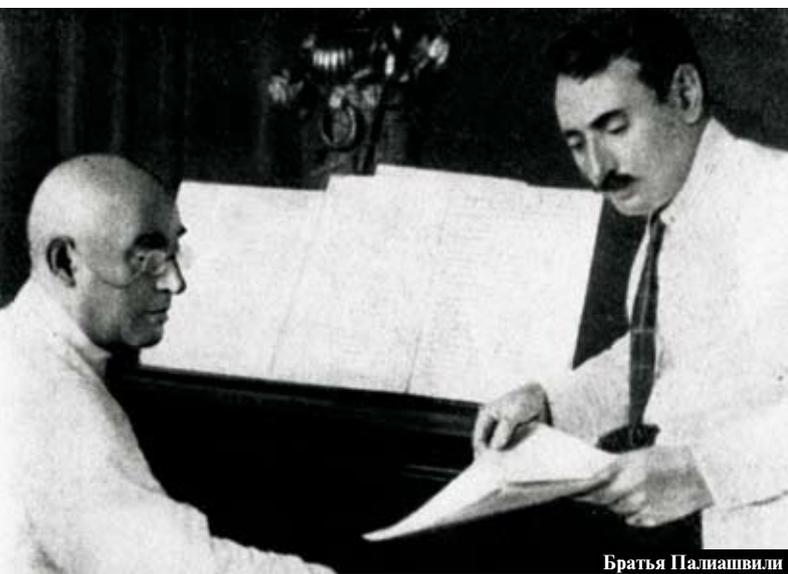
Дирижирование «Абесаломом» упрочило дружественные отношения автора оперы с Н.Н. Черепниным. В указанном исследовании Л.Корабельникова цитирует обнаруженное ею в брюссельском архиве письмо З.П. Палиашвили к Н.Н. Черепнину, который к тому времени проживал уже в Париже: «Дорогой Николай Николаевич! Вы мою «Абесалом и Этери» знаете очень хорошо... Вы даже дирижировали ею... она, кажется, нравилась Вам настолько, что, когда Вы отсюда уезжали, просили меня снабдить Вас если не клавиром, то хоть некоторыми отрывками». Письмо содержит просьбу о содействии исполнению этой музыки в Европе.

Первым на постановку «Абесалома и Этери» откликнулся Илья Элевтерович Зурабишвили. Писатель, журналист, патриот, он сразу сделался пламенным почитателем оперы, посещая все спектакли. Не имея специального образования, в трех статьях на страницах грузинской газеты «Сакартвело» (20, 21 и 25 февраля) он дает в широком культурологическом контексте обстоятельный разбор оперы, обнаруживая при этом незаурядные познания в области русского и европейского музыкального театра. Одновременно в «Закавказском слове» появились две статьи А.Черепнина, которые почему-то оказались вне поля

зрения биографов Палиашвили. Между тем, они ценны не только интересными наблюдениями автора, пребывание которого в Тифлисе насчитывало столь малый срок. Эти публикации представляют единственный объективный источник информации для русскоязычного населения.

«Историк музыки, - пишет И. Зурабишвили, - начало 1919 года отметит золотыми буквами. Именно в этом году грузинская музыка явила свой подлинный лик... для этого нужно было только одно – чтобы зазвонил колокол свободы». «Хочется верить, - вторит ему А.Черепнин, - что дата 21 февраля ... день первого представления оперы – останется запечатленной в летописях грузинского искусства... Грузинская музыка живет, существует и развивается. И опера «Абесалом и Этери» является ценным вкладом в молодую грузинскую музыку, ей суждено, быть может, вместе со «Сказанием о Шота Руставели» (опера Д.И. Аракишвили, поставленная несколько раньше. – М.К.), стать исходной точкой для целого ряда будущих грузинских композиторов».

Рецензенты пересказывают содержание оперы. Для А.Черепнина, не владеющего грузинским языком, незнакома с грузинским эпосом, было непрос то глубоко вникнуть в сюжет. Непонятно, например, какой эпизод Священного писания имеет он в виду, заявляя, что в основе либретто библейская легенда, действие которой происходит в Грузии. Повод для такого истолкования могло дать участие в сюжете Белиара, демонического существа из Ветхого завета, духа небытия, лжи и разрушения. Ошибочно истолкована и причина гибели Абесалома. Не горе и отчаяние от сознания, что исцеленная Мурманом Этери не принадлежит ему, доконали царевича. Исходя из версии

Братья Палиашвили

Черепнина, он умирает, отравленный Мурманом.

Сюжетная фабула в передаче И.Зурабишвили намеренно схематична, что проистекает из отношения автора статьи к либретто. Он считает, что главная линия сюжета – любовь Абесалома и Этери - в интерпретации либреттиста Петрэ Мирианшвили как бы отодвинута на задний план, и опера Палиашвили больше повествует о стойкости и героизме эпических персонажей, чем о сердечных муках влюбленных.

А.Черепнин, не имея возможности вдаваться в подробности словесного текста, заостряет внимание на том, что стоит над ним. Он также высказывается о неудовлетворительности либретто, в «некоторой расплывчатости» которого он видит существенный «дефект оперы».

Отзываясь о композиции, оба рецензента указывают на досадные длинноты, «требующие большой выносливости исполнителей и затрудняющие восприятие оперы» (А.Черепнин). При этом И.Зурабишвили решительно настаивает на купюрах, которым в первую очередь должен быть подвергнут третий акт. По замыслу либреттиста, именно здесь вступает в силу Белиар-эшмаки (черт Белиар), которому Мурман, в обмен на приворотное зелье, продает свою душу вместе с душой матери. «... Палиашвили вознамеривался эпизодический персонаж превратить в одного из главных героев и почти в течение всего 3-го действия занят осуществлением своего намерения», - пишет Зурабишвили. И Зурабишвили и Черепнин считают, что этот образ выпадает из общего строя, нарушая его целостность. «Веселый насмешник, безобидный шутник, игривый вертопрах ... Подобный черт не станет посягать на большие дела – волновать, а потом усмирять стихию, бороться со светом, вступать в спор с богом» - таков, по описанию Зурабишвили, Белиар-эшмаки, двойник черта из «Черевичек», вступающий в действие с хвастливой арией «Тьму превращаю в свет». В рецензии Черепнина говорится о несоответствии образа этого «черта в кавычках» с общим серьезным характером музыки, что отрицательным образом сказалось и на работе режиссера. «Во всяком случае, - пишет он, - мне кажется, что черту вовсе незначает, для показания своего чертовского происхождения, украшать себя рогами и время от времени подпрыгивать да подскакивать».

Рассуждения вокруг Белиара, этого несостоявшегося духа тьмы, имеют особую значимость. Прислушиваясь к голосу критиков, Палиашвили подверг свою оперу основательным сокращениям, в результате чего, наряду с отдельными номерами, был изъят весь третий акт. Между тем, оперная партитура в ее первоначальном варианте безвозвратно утеряна, и сведения о том, какой она была, можно почерпнуть лишь из первых рецензий – именно таким путем стало известно, что первоначально в числе персонажей был Белиар – эшмаки.

В числе номеров оперы, которые при исполнении опускаются, ария Этери из 5-го акта, включенная, однако, во все издания. Восхищаясь задушевной эмоциональностью мелодии, утонченно инструментованным аккомпанементом, рецензенты относят эту музыку к прекраснейшим страницам партитуры. Не пора ли принять к сведению, почти с вековым опозданием, впечатления первых критиков и, пересмотрев традицию, вернуть оперной героине лучшее украшение ее партии?

Зурабишвили и Черепнин уделяют большое внимание обращению композитора с фольклорным материалом. Оценка Черепниным творческого процесса Палиашвили обнаруживает устойчивость его эстетических критериев. Художественная убедительность, считает он, достигается путем вживания творца в звуковую материал, органического сращивания с его образностью; созерцательная же позиция, участие ав-

тора как бы «со стороны» соответственно влияет на эмпатию воспринимающего субъекта. «Музыкальная сторона, - пишет А.Ч., покоится на обработке народного материала, причем обработка отличается особым искренним лиризмом, она даже не обработка в собственном смысле – так много в ней искренности, неподдельного чувства и творчества. У Палиева подход к народному материалу чисто интуитивный, он

прекрасным царским дворцом, живописными окрестностями хрустального замка Мурмана, И.Зурабишвили задерживается на детали, которой обычно внимательный А.Черепнин не придавал значения. В 4-м акте господствующий в перспективе осеннего пейзажа желтый цвет распространяется на задний ряд рамок, превращая их из пестрых, «цветастых» (Зурабишвили) в однотонные, что давало возможность критику проверить

В.Сараджишвили в роли Абесаломы

сам как бы вышел из народа, он переживает, и его переживания выражаются в народном духе. Когда плачет ... Этери, вы чувствуете, что она действительно плачет, а не рассказывает о том, что она плакала; когда царевич Абесалом объясняется Этери в любви, вы чувствуете, что он действительно ее любит, а не рассказывает о том, что он ее любит – в этой искренности и правдивости образов и кроется главная прелесть... оперы».

Рецензия свидетельствует об оригинальной сценографии Александра Зальцмана: декорации к спектаклю были вставлены в специальные рамки. Поощряя инициативу художника, молодой Черепнин смело предлагает пересмотреть живописную сторону, сомневаясь, верно ли найден цвет рамок, «не слишком ли он пестр и отвлекает внимание, и не лучше было бы его заменить другим, более сдержанным и однородным, хотя бы даже и светлых тонов». Ответ давал сам спектакль. При описании художественного оформления оперы с

целесообразность своей рекомендации.

Постановку «Абесаломы и Этери» в значительной мере осложняло обилие массовых сцен, и, соответственно, хоровых номеров, ощутимо преобладающих над сольными. Эту задачу мастерски решил А.Цуцунава, показав «много умения и изобретательности» (Черепнин). Оперный хор, эта неизменная мишень для критиков, на этот раз обнаружила следы работы и над музыкальным и над словесным текстом (по свидетельству Зурабишвили, не только среди участников хорового состава, но и среди солистов мало кто знал грузинский язык). В чем была большая заслуга хормейстера Коршона, приглашенного из Одессы.

Помня о том, что утерян авторский оригинал партитуры «Абесаломы», воздадим должное ее первым рецензентам, сохранившим для грядущих поколений память об изначальной версии оперного первенца Палиашвили.

МАРИЯ КИРАКОСОВА

СТРОКИ – ЛЕБЕДИ

Исполнилось десять лет со дня смерти замечательного поэта, переводчика, литературного критика Гиви Орагвелидзе

... Поднимаясь к нему по лестнице, я думала о том, что вряд ли в городе есть еще место и человек, с которым самый важный разговор – о стихотворении. И одна строчка может стать темой, точкой отсчета на целый день, если не жизнь, нацеленная на особое зрение, способное разглядеть мельчайшие детали, тончайшие узоры поэтического мастерства. Прививая внимательному собеседнику эстетический вкус, он вводил в особое смысловое и чувственное поле, поле, без которого немислима жизнь в ее бытовом и бытийном, иначе говоря божественном понимании и восприятии. Поднимаясь к нему, я знала, что сейчас будут самые интересные и главные разговоры на свете: о поэзии, будь это рассказ о его встрече с Ахматовой, или беседы о каких-то самых тонких – микроскопических – нитях стихотворной строки, что следует, а что не следует впускать в стихотворение.

Поднимаясь к нему ради обычной встречи, человек шел и к уникальной личности, дарившей проясненный мир, и к самому себе.

Он был безусловным рыцарем стиха.

... Начиналось все красиво и даже изысканно, в некотором смысле. По звукописи, по смысловому содержанию. Родился в Тулузе – семья эмигрантов, французская школа, особая культура жизни. Вглядимся в нее пристальнее.

«Его отец Григорий Эквтимович Орагвелидзе, прикнув к грузинской меньшевистской фракции, через Турцию приезжает в Париж, где, преодолевая бесчисленные трудности, заканчивает университет и становится многообещающим архитектором-озеленителем. По его замыслу разбит один из парков в Париже. Учеба в университете сочеталась с «черной» работой, которую Григол находил, чтобы обеспечить себе существование: он был мойщиком вагонов в железнодорожном депо, разносчиком газет. Но молодость, вера в хорошее, светлое побеждали. Однажды он сильно заболел, живя на мансарде. Тут-то и пришла на помощь будущая мама Гиви Елизавета Аркадьевна Цамек. Она родилась в Польше в 1904 г. и тоже приехала в Париж, чтобы продолжить учебу. Была она студенткой сельскохозяйственного факультета и собиралась стать агрономом. Так они остались жить на чердаке, пока не появился Гиви, постепенно дела стали поправляться. Григол Орагвелидзе уже стал архитектором, по его проекту строится дом-усадьба. Они разъезжают по Европе. Гиви учится в престижном колледже-интернате. В доме говорят по-французски, по-немецки (два года семья жила в Германии), по-польски. Начинается война. Семья уезжает в Германию, оставив Гиви в Париже. В Германии молодая Лиза помогает прятать пленных, рискуя жизнью мужа и ребенка. Об этом позже напишет Орий Бенн в своей книге «Невидимый фронт».

Григол не перестает тосковать по Грузии, но писать, естественно, не может. Дома, в Тбилиси, его ждет Екатерина Микеладзе, бабушка Гиви, дядя Иван Эквтимович, Марго Чихладзе, сестра. Они мечтают увидеть Гришу с семьей. Гриша ведет переписку с маленькой Нателой, стараясь хоть что-нибудь узнать о семье. В одном из писем он пишет: «Дорогая Натела, по возвращении на родину, я хочу, чтобы ты очень дружила с моим Гиви, но боюсь, что он совсем другой. Знаешь, он учится в классе, где 18 французов и только он один – грузин. Но мальчик он смысленный и работоспособный. По французскому у него уже пятерка, зато по математике – тройки. Наверное, будет гуманитарием. И ты, моя дорогая девочка, старайся хорошо учиться. К тому же, девочки должны уметь шить, готовить». Но что могла написать в ответ тринадцатилетняя Натела, когда она совсем не понимала, что же все-таки происходит и почему ее дорогой и любимый дядя так далеко. Что она могла написать среди строк, а Григол все-таки искал...

Гиви счастлив. На каникулы он ездит в Польшу к своим польским бабушке и дедушке. Его любят, балуют. Но папа воспитывает строго. За границей он обучает его грузинскому языку (Григол был писателем)».

Итак, закваска, закалка, стартовая дорожка была просто идеальной для будущего идеалиста-филолога, поэта, думающего человека. А дальше...

Дальше острый угол, гигантский локоть рока отбрасывает их в иной ритм, на другую планету (а ведь думали-то, что родина...)

«Появляется во Франции Илья Тавадзе, который призывает всех грузин вернуться на родину. Семье Орагвелидзе было трудно экономически, и Григол пытается продать свой шикарный дом, чтобы поехать в Грузию, но Тавадзе торопит. «Дома заработаешь гораздо больше». Так, оставив и дом, и прислугу, отец, мать и сын возвращаются на родину, поверив в обещанные неприкосновенность и прощение».

Можно только вообразить, какой скачок совершила эта семья, вслед за другими, наивными (и откуда только берется у интеллигенции эта слепая вера в иллюзии, всегда сопутствующие злу?). И суть сего скачка не машина времени, не перемещение в пространстве, но это прыжок в котловину ада, в «Котлован» совершенно абсурдной, безбожной идиоматики существования, где человек вполне заменим - пустотой. Страшной пустотой, зияющей дырой, что считалось адекватным и обыденным. А дальше жизнь поскользилась, но не поскользнулась, по накатанному пути.

«В 1950 году Григол Орагвелидзе погибает в чекистских застенках, а его жена и сын сосланы в теплушках в Среднюю Азию. Гиви, двадцатилетний студент западноевропейского факультета, не успел завершить учебы, подружиться со своими сверстниками, усвоить грузинские обычаи и нравы.

Лишенные прав, мать с сыном все же сумели как-то приспособиться к жизни: мать – благодаря блестящему знанию немецкого и французского языков (в Тбилиси многие помнят «танте Лизу»), сын же – знанию французского. Несмотря на многочисленные препятствия, Гиви удается закончить Тбилисский университет. Каким-то образом он добивается разрешения уже после реабилитации отца приезжать в Тбилиси на сдачу экзаменов. Но люди жестоки: в один день ему надо было сдать 15 предметов. И он сдает: фран-

цузский и история – отлично, основы марксизма-ленинизма – удовлетворительно. Позже он расскажет, что тройку ему поставили за прекрасные шкурки сруа, которые он в подарок привозил из Казахстана».

... Как-то я поделилась с ним, что не люблю и боюсь больших статуй, памятников. «Значит, вы любите природу», - с уверенностью ответил Гиви Григорьевич, и, естественно, оказался прав. Он рассказал, что когда был в Лувре, Венера Милосская не произвела такого впечатления, и ему гораздо милее маленькая статуэтка.

Если вдуматься, это и есть некий символ его отношения и способ выживания – эстетического и, следовательно, нравственного. Гигантомания и монументализм, по сей день присущие большой стране – тем ужаснее, если и маленькой, - могут многое сказать специалисту-психологу, социологу и естественным образом не принимаются настоящими художниками. Природа, абсолютно до конца дорисованная Создателем, не навязывающая себя, а включающая в гармоничную и дарящая свободное дыхание, компрометирующая границы и непонятные суетные разmolвки – короче, любые проявления зла, располагает к любви по определению. И чем тоньше устроен человек, тем острее и точнее он это чувствует. Такое или дано, или нет. Это было одно из главных свойств мироощущения Гиви Григорьевича: чувствовать естество. Естество Природы, естество поэта, естество стиха и звука... Жизнь перекачивалась из страны в страну, не изменяя в нем главного. Он жил и выжил свободным человеком, с обезоруживающей улыбкой, мужественной и беззащитной душой.

«... Лиза решает возвратиться в Грузию, на родину мужа, Гиви начинает работу в Ташкентском университете, затем становится заведующим кафедрой французской филологии, читает лекции, сотрудничает в литературной прессе в качестве критика, переводчика, театрального обозревателя. Его любят, он известен.

Его перу принадлежит монография «Стих и поэтическое видение» (докторская диссертация, которую он защищает в Тбилиси в 1973 году), сборник переводов с французского, много статей по проблемам французской поэзии и стиха.

Русло жизни Гиви Орагвелидзе резко меняется в 1979 году, когда он с супругой переезжает в Тбилиси.

Всю свою дальнейшую жизнь он связал с Главной редакционной коллегией по переводу и литературным взаимосвязям при Союзе писателей Грузии, а позднее, с 1982 года, он сотрудничает в журнале «Литературная Грузия», где заведовал отделом поэзии до своей кончины 17 августа 1997 года».

«Познакомился я с Гиви Орагвелидзе не очень давно – в начале девяностых годов, - вспоминает Георгий Чарквиани. - Затем получилось так, что проработал с ним в редакции журнала «Литературная Грузия» несколько лет.

Трудно сказать, как будут оценивать историки это время, но для людей нашего поколения оно и с бытовой, и с социальной, и с идеологической, и с политической точек зрения было тяжелым. Менялись общественный строй, страна, правительства, взгляды, убеждения и условия жизни.

Отсутствие в зимний период отопления почти во

всех помещениях, люди, сидящие на важных совещаниях в учреждениях и обедающие водянистым супом у себя дома в пальто и шапках... Длинные очереди за хлебом, в которых можно было совершенно зря простоять часами... Вместо денег с профилем отнюдь не самого человеческого «вождя мирового пролетариата» - синие, зеленые, сиренево-коричневые, не по дням, а по часам теряющие покупательную способность купоны... График подачи электричества, всегда нарушаемый в нежелательную для потребителя сторону... Баснословные цены на рынках и выросшие как по мановению волшебной палочки разных и прочих торговых будках... Через все это пришлось пройти.

Гиви Орагвелидзе не был человеком, склонным к нытью и хныканью. Он умел по-мужски относиться к бытовым бедам и невзгодам, смотреть на них иронично, с юмором. Однако это вовсе не исключало недовольства собой: ему всегда было неудобно, чуть ли не стыдно, что он не может материально должным образом обеспечить семью. Но честным литературным трудом в те годы сделать это, пожалуй, было невозможно. Впрочем, как и сейчас... Гиви никогда не рекламировал своих стихов, не читал их в застолье, ни тем более в другой обстановке. Лишь один раз дал он мне прочитать, и то очень немногое. В этом сказывалась врожденная скромность, быть может, даже застенчивость. А вот переводы показывал, казалось, с большой охотой. Перевел он многих поэтов и целые книги Терентия Гранели, Шалвы Кармели, Шота Чантладзе...» (Г.Чарквиани, «Лаборатория»)

Поэты не женщины, считал Гиви Григорьевич. Они просто теряют свой пол, занимаясь стихописанием. В равной степени сказанное касалось и актеров.

«Забудем, что вы поэт», - сказал он на лестничной площадке и, слегка приобняв, произнес несколько джентльменских комплиментов. Так, в последний раз, мы вместе выходили из редакции «Литературной Грузии». Он уходил в отпуск, и ушел навсегда.

Нам было по дороге – напрашиваются метафизические смыслы, - и мы еще долго стояли в парке, смотрели на двух лебедей, плавающих в искусственном, зажатом асфальтом пруду с фонтаном, разговаривали обо всем на свете. «Наша память избирательна, как урна», - заметил когда-то Довлатов, и сейчас даже трудно вспомнить детали и темы наших бесед, но точно сохранилось ощущение связанности с этими двумя красивыми, а потому и затасканными искусством птицами, уж слишком одинокими на общем фоне. О них мы тоже говорили.

И снова я шла домой с ощущением редкости, уникальности нашего общения и этого человека вообще. «Уходящая натура», кажется, так говорят про «ускользающую красоту». Это про Венецию? Про старика, еще где-то в закоулках нашего мира сидящего на скамейке с выражением лица из другой жизни? Или про последнего из могикан, причем в любой сфере и в любом возрасте? Про кого-то ИНОГО в нашей ускоряющейся жизни?

Да, в общем, какая разница. Он был действительно одним из последних, рядом с кем оставалось ощущение чистоты.

Лебеди... Давно уже их нет. Да и пруд с фонтаном высохли.

ИННА КУЛИШОВА

Открытие

А. Радаков

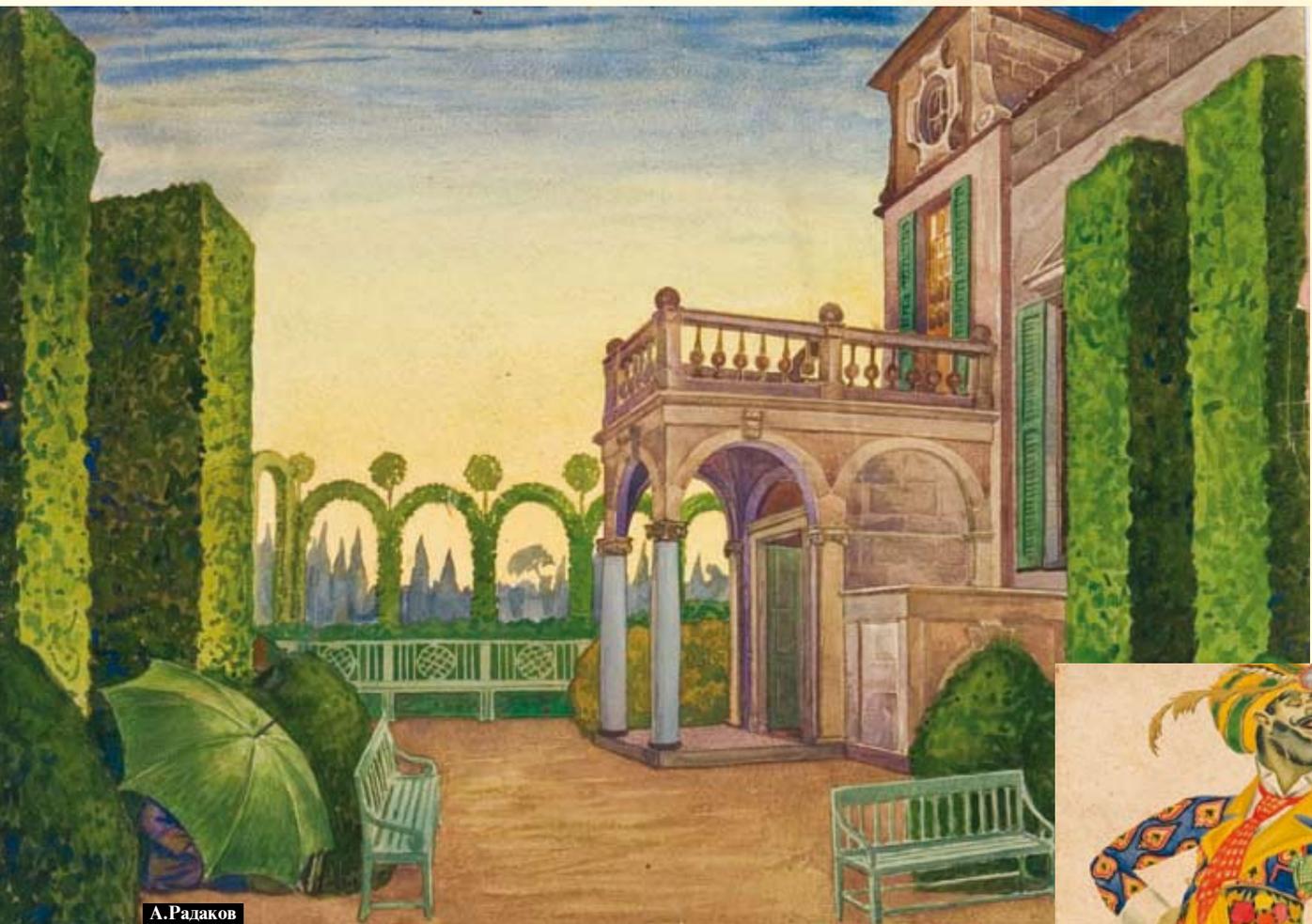
Государственный драматический театр имени Котэ Марджанишвили совместно с Министерством культуры Грузии после почти полугодовой работы представил выставку «Уникальные театральные эскизы – работы русских художников начала XX века». Коллекцию основал выдающийся грузинский режиссер Котэ Марджанишвили, который проявлял особый интерес к изобразительному искусству, придавая большое значение художественному оформлению спектакля. Режиссер высоко ценил творчество каждого художника, с которым сотрудничал. Котэ Марджанишвили привез из России прекрасные театральные эскизы тех художников, с которыми работал в Театре им. В. Комиссаржевской, Свободном театре, Театре пантомимы, Театре К. Незлобина (Москва), Государственном театре комической оперы (Петроград). В результате в Грузии создалась драгоценнейшая коллекция, которую люди с любовью и заботой донесли до наших лет.

На выставке впервые представлены театральные работы Е. Лансере, И. Шарлеманя, В. Шухаева, В. Симова, И. Федотова, Н. Игнатьева, К. Первухина, Н. Ушина, А. Божерьянова, М. Домрачева, А. Радакова, М. Ткаченко, Е. Тамручи, С. Иванова, А. Арапова и неизвестных русских художников. В коллекции самый старый экспонат – работа К. Первухина в спектакле «Ганнеле», который был поставлен в Харькове в 1906 году, а также декорации Н. Игнатьева для Театра К. Незлобина, датированные 1909 годом.

У музея театра, как отмечают сотрудники, трудная и интересная история, он отражает почти все этапы

развития грузинского театрального искусства. Он также отображает жизнь тех людей, которые ставили спектакли, писали для театра, рисовали, а затем вводили декорации, сочиняли музыку, хореографию. Музей - это документальная хроника творческих исканий этих людей, их мир.

Главный режиссер театра им. К. Марджанишвили Леван Цуладзе отметил, что невозможно не восторгаться тем, чем владеет театр, и не выставлять это ранее, наверное, было большой ошибкой. Дело в том, что об этой коллекции ничего не было известно, пока эксперты из Министерства культуры не зашли в давно закрытый музей. «Они открыли музей и увидели мир, который ценен не только для Грузии и России, но для всего человечества. Произведения, которые были обнаружены, действительно бесценны. Очень важно, что в условиях новой Грузии мы имеем не только театры, которые очень динамично, интенсивно работают, музеи, устраивающие различные выставки, но и центры, которые можно назвать мультифункциональными центрами. Одним из таких центров является театр имени Марджанишвили», - сказал заместитель министра культуры Ника Вачеишвили. Он высказал мнение, что будущие поколения по достоинству оценят эту коллекцию. Директор театра Эка Мазмишвили сообщила, что инициатором этой выставки, а также популяризации самой коллекции был именно Ника Вачеишвили. Он досконально изучил всю коллекцию, и на наш вопрос назвать любимого автора или эскиз, он моментально не глядя на надписи, указал на не-

А. Радаков

сколько картин, в том числе и на работы Е. Тамручи.

На открытие выставки пришли как художники, так и режиссеры, спортсмены, студенты... Режиссер Кети Долидзе поблагодарила за проделанную работу Эку Мазмишвили и Хатуну Цуладзе. Кстати, на выставке прошла и презентация каталога. По словам Долидзе, театральные художники и сегодня черпают много интересного для себя из этой коллекции. «Например, в Москве, которая является показателем для всего постсоветского пространства, сегодня буквально охотятся за театральными эскизами, эскизами костюмов. Вообще в театре значительную роль играют художники. Нельзя себе представить, например, некоторые спектакли Роберта Стураа без Гоги Мехишвили. Что касается культурных связей между нашими народами, то они никогда не прекращались.

И в Грузии, и в России люди стремятся не терять этих связей. Среди тех, кто поддерживает эти отношения, - Иосиф Кобзон, Лидия Федосеева-Шукшина, Андрей Кончаловский», - говорит Кети Долидзе.

Выставку посетили и высоко ее оценили и представители Посольства Российской Федерации в Грузии. В беседе с нами советник по культуре Посольства РФ в Грузии Василий Корчмарь сказал: «Замечательно, что в музее театра хранятся такие уникальные картины, которые, как понимаю, очень редко выносились

М. Домрачев

М. Домрачев

на суд посетителей. Эти произведения создавались именно для театра, чтобы зритель, приходя в театр, мог любоваться и гордиться тем, что может участвовать в этой красоте. Мы договорились с директором театра продолжить сотрудничество. Скоро нас ждет замечательное событие – гастроль театра Михаила Козакова, который представит «Чайку» на русском и грузинском языках. Приятно, что люди творчества тянутся друг к другу. Ностальгия, существующая между народами России и Грузии, уже проявляется, и они сами идут на развитие культурных связей. Это очень важно».

МИРАНДА ОГАНЕЗОВА

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

Актерская судьба занесла мою бабушку, Фанни Яковлевну Веллер, в Тифлис, где она, овдовев, осталась с тремя дочерьми мал мала меньше...

Младшая из них, трехлетняя Маруся, - моя мама, впоследствии знаменитая балерина Мария Бауэр.

И вот в эту тридцатипятилетнюю вдову с детьми, хористку, еврейку, влюбился юноша двадцати трех лет из состоятельной грузинской семьи, театральный режиссер. Бабушка, женщина глубоко порядочная и трезвомыслящая, категорически отказалась выйти за него замуж (а именно это предлагал ей обезумевший от любви Георгий Курхули).

Наконец, он пригрозил бабушке, что, если она не выйдет за него, он будет публично преследовать ее своими ухаживаниями и в конце концов скомпрометирует. Это убедило бабушку, и она сдалась.

Молодые, поживившись, поселились в крохотной комнатке с галереей и огромным олеандром в углу. Старшие дочери, к тому времени уже подростки, одна за другой покинули отчий дом, и предметом усиленного надзора и семейного воспитания осталась только Маруся. Ее-то и оберегал от жизненных соблазнов дядя Георгий.

Работая в театре, он, очевидно, насмотрелся на легкомысленных танцовщиц и хористок (недаром Фанни Яковлевна поразила его в самое сердце своей недоступностью), на их быстрые связи и горькие слезы, и, желая уберечь любимую падчерицу от их судьбы (а мама с пятнадцати лет уже танцевала на сцене), проводил свое пуританское воспитание под девизом: «Все мужчины - сволочи!» и преуспел в этом чрезвычайно. Он рассказывал, как актеры в грим-уборных расписывают во всех подробностях свои амурные похождения, смакуют их и как громко хохочут при этом! Бедная Маруся буквально леденела от ужаса. К семнадцати годам она

была необыкновенно хороша собой, и хвост ее поклонников исчислялся десятками. Завидев падчерицу где-нибудь у кулис, болтающую с молодым рабочим сцены или модным заезжим тенором, дядя Георгий, благо, работал он в том же театре, отводил ее в сторону и искренне удивлялся: «Ну, о чем ты можешь с ним

говорить?» А потом как правило сообщал, что у ее собеседника есть жена и трое детей.

Дознакомства с папой у мамы, помимо многочисленных поклонников, было одиннадцать женихов, сделав-

ших официальное предложение руки и сердца и так же официально отвергнутых. Всех их браковал дядя Георгий. Каждый из претендентов получал уничтожающую характеристику: «У него двое детей в Казани и жена», - говорил он об одном. «Я знаю, что Милашкина от него только что сделала аборт», - сообщал о другом. И

зывала его мама. Всегда окруженный юными девицами, всегда в центре внимания, интересный, талантливый, Мелик влюбился в неприступную Марусю и начал обхаживать ее со всей восточной изысканностью.

«Он всю жизнь будет тебе изменять с каждой юбкой!» - такую перспективную оценку стараниям Мелика дал дядя Георгий. Но сердце не камень, и Маруся влюбилась. Наблюдая, каким успехом пользуется Мелик у прекрасного пола, как проникновенно звучит его голос, каким ласково-обволакивающим становится взгляд его черных глаз, Маруся понимала, что дядя Георгий не так уж и не прав, и страдала, предчувствуя, что так страдать ей придется всю жизнь.

А Мелик делал блистательную карьеру: его пригласили в Москву в Большой театр, и он, влюбленный, рисовал Марусе радужные перспективы: он - главный дирижер Большого, она - прима-балерина... Соглашайся, Маруся! Наверное, все так и было бы... Но Маруся решила окончательно - нет! Ее в это время посылали в Ленинград, на повышение квалификации в хореографическое училище в класс Марии Федоровны Романовой, и она выбрала этот путь.

Перед расставанием Александр Шамилевич подарил маме свою фотографию. Глядя на нее, я понимаю, как не просто было Марусе сделать свой выбор. Надпись на фото - красными чернилами («кровью измученного сердца») - говорила о том, что Мелик еще на что-то надеялся...

В Москве Мелик-Пашаев скоро утешился и женился (кстати, тоже на балерине и тоже на еврейке, почему-то удивленно прибавляла моя мама. - Видно, ему было так суждено.). А порванная фотография, которая осталась в мамином архиве, в конверте с надписью «Мелик», пережила их обоих.

«Нет, правильно я сделала, что не вышла за него замуж, он действительно изменял бы мне с каждой юбкой, - часто говаривала мама, видимо, имея какую-то информацию о дальнейшей личной жизни своего экс-жениха. - А кроме того - тогда бы я не вышла за Сашеньку!»

С «Сашенькой», Александром Барутчевым, она прожила 58 лет, и я не помню, чтобы в семье моих родителей когда-нибудь шла речь о флирте, изменах, ревности, разводах... Единственным эпизодом, связанным с ревностью к Марусиному прошлому, была порванная моим отцом, уже после свадьбы, фотография молодого Мелик-Пашаева, хранящаяся мамой в отдельном конверте.

ЕЛЕНА БАРУТЧЕВА-БАУЭР

Маруся, видимо, сама не слишком увлеченная своими кавалерами, легко отказывала им.

Но вот появился новый жених - молодой красавец дирижер Александр Мелик-Пашаев. «Мелик» - так на-

прошлому, была порванная моим отцом, уже после свадьбы, фотография молодого Мелик-Пашаева, хранящаяся мамой в отдельном конверте.

В доме у Д.Сараджишвили на 25-летию венчания, во втором ряду в центре И. Квезерели-Копадзе

Династия Квезерели-Копадзе в Грузии – те же Форсайты в Англии, но на 100 лет древнее.

Девять поколений, сто с лишним потомков на генеалогическом древе, десять носителей фамилии сегодня.

По своему вкладу в грузинскую культуру, медицину, строительство, образование династия заслуживает многогранной саги.

Сегодняшние Квезерели-Копадзе удивительно похожи на своих предков на старых пожелтевших фотографиях. Прямые носы и спины, слегка опущенные уголки глаз и высоко поднятые головы. Самоуверенная респектабельность на лицах – печать рода.

Никакой слабости и нерешительности даже в очень преклонном возрасте. Это понятно!

У всех поколений династии были: дом, доходы, связи.

Хорошее воспитание и образование плюс здравый смысл – еще одна родовая комбинация.

И конечно, поддержка всей семьи – обязательное условие развития династии.

За три века они породнились с замечательными грузинскими родами Бараташвили, Картвелишвили, Поракишвили, Пагава, Мегвинетухуцеси, Лорткипанидзе, Джанашия, Харебава и многими другими. Семья стала цветом нации.

Будучи тридцать лет невесткой Квезерели-Копадзе, что само по себе большая честь, я наблюдала как расцвет династии, так и закат, блестящие успехи и тяжелые драмы.

Ослеп и сам решил уйти из жизни любимец всех

поколений Ванечка Квезерели-Копадзе, трагически погибли юные Гигило и Леван, на американском кладбище, а не в семейном пантеоне, похоронен Леван Квезерели-Копадзе.

Летописцами и хранительницами архивов семьи всегда были невестки. Во-первых, мужчины всегда много работали, и их женам приходилось воспитывать в детях уважение к роду. Во-вторых, каждая невестка наблюдала как такие разные ее дети с возрастом неминуемо и неумолимо превращаются в типичных Квезерели-Копадзе.

Очень сильная генетика, сформированная вместе с династией!

Как же возникает династия? Почему некоторые генеалогические деревца чахнут, а другие разрастаются на века? Ответ содержится в семейном архиве.

Династии, будь то грузинские или английские, появляются вместе с появлением собственности (земли и дома), которую необходимо наследовать.

И если первые Квезерели-Копадзе в 17 веке были церковными крестьянами, то уже в начале 18 века они имели собственные земли и дома. Далее как в Библии:

Отари Квезерели-Копадзе родил Исаака, Абрама и Якова,

Абрам родил Автандила, Шалву и Дмитрия, Автандил родил Ивана, Михаила и Георгия,

Иван родил Николая, Левана и Александра, Николай родил Арчила и Автандила,

Леван родил Ивана, Иван родил Левана и Ираклия и т. д.

Каждый имел по несколько сыновей. Так как было что наследовать!

Первая по хронологии бумага в семейном архиве гласит о том, что «согласно Высочайше утвержденным полномочиям о строительстве города Тифлиса в восьмой день февраля 1841 года тифлисскому гражданину Квезерели-Копадзеву пожалована земля во втором квартале города, чтобы на оном месте возвести двухэтажный каменный дом».

Как известно, первым кварталом в то время была территория Метехского замка. Вокруг нее развивался город. Поэтому потомственные горожане Квезерели-Копадзе имели дома и земли на Авлабаре и под замком. Братья Автандил, Шалва и Дмитрий имели к середине 19 века огромный караван-сарай ниже Метехского замка. В бумагах описаны все 26 помещений караван-сарая, устройство внутреннего дворика и коридоров, подробно оценено все имущество.

Но самое интересное, что можно проследить по документам – как и почему один из братьев становится главой династии. Это место занимает наиболее успешный в делах, держащий в поле своего зрения всю династию, платящий семейные долги и контролирующий как финансовые потоки, так и сиюминутную ситуацию в семье.

Вот еще одно необходимое условие формирования династии – сильный глава семьи!

Он стоит выше семейных ссор и суеты, видит и создает перспективу.

На жизни следующих поколений можно проследить, и становится очевидным, как закат семьи прямо связан со слабым главой. И наоборот, как сильный глава семьи позволяет процветать династии, даже в революционный период, когда у нее отбирают всю собственность.

Бесспорно, самым блестящим главой династии был Иван Николаевич Квезерели-Копадзе, приходившийся дедом нынешнему главе, 83-летнему профессору-гематологу Автандилу Николаевичу Квезерели-Копадзе. Иван Николаевич прожил 90 лет и застал два века.

Прекрасно образованный, элегантный светский лев, близкий друг Давида Сараджишвили и Католикоса Грузии, он был промышленником и купцом второй гильдии. Учредителем и пайщиком известного товарищества «Арго», производившего коньяки, виноградные вина и искусственные минеральные воды. Вина удостоивались медалей на ежегодных парижских выставках и прекрасно продавались в Европе. Основной начальный капитал товарищества составлял 8 миллионов золотых рублей.

Заработанные деньги Иван Николаевич вкладывал в приобретение земель. Они отводились под строительство. Только на Авлабаре он строил несколько домов.

Цены на его земли все время росли, строительство и производство развивались. Поэтому сыновья получали образование в Петербурге и Москве, чтобы продолжить дела отца.

Хорошее образование было безусловным приоритетом семьи. Дети Ивана Николаевича учились в русской гимназии (другой не было), с мамой говорили по-грузински, а с отцом по-французски.

Особым удовольствием династии была процедура передачи наследства сыновьям. В официальных бумагах столько отцовской любви, уважения и нежности!

«Милостливый государь, любезный сын Александр Иванович! Уполномочиваю Вас управлять имением в Манглиси...» - вот форма делового общения в семье.

Родная сестра Ивана Николаевича Наталья была замужем за князем Леваном Бараташвили и владела имением в Манглиси, ставшим потом детским санаторием. Не имея детей-наследников, она завещала имение своим племянникам Николаю, Левану и Александру. Завещание включало и воспитательную нагрузку, обязывая племянников передавать деньги Мцхетскому женскому монастырю, Манглисской церкви, Обществу распространения грамотности. Присматривать до самой

Княгиня Н. Бараташвили

Семья Квезерели-Копадзе дома на Авлабаре

И. и М. Квезерели-Копадзе

смерти за больным братом Михаилом, отделать алгетским камнем родник с учинением надписи, что этот родник от Левана Бараташвили. Требуя, чтобы вдоль всего имения была оставлена дорога шести сажень шириной для общего пользования, за которой необходимо присматривать. Истинно духовное завещание!

Потом произошла революция. Собственность – дома, земли, коньяки и вина конечно отняли. Последнее, что успело сделать товарищество «Арго» - в 20-м году отправили в Англию транспорт коньяка в количестве 70 бочек и 150 ящиков по 70 бутылок в

каждом. Все было за границей продано, деньги положили в банк, но получить их было уже невозможно. В 1922-м коньяки товарищества национализировали и отправили на уже отобранные у хозяина склады Сараджишвили. Товариществу ничего не оставалось, как самоликвидироваться, уплатив всем рабочим и служащим 45 миллионов рублей. Так достойно люди закрывали свои производства и уходили в 1922 году!

Отбрали и манглиское имение. Когда пришли национализировать, Александр Николаевич принимал ванну. Ему даже не дали одеться. Так и гнали под дулом пистолета в сельсовет. Мраморную же ванну утащили и установили в доме известного революционера.

Манглиское имение несколько раз национализировали, а потом, не зная, что с ним делать, как управлять, денационализировали, пока семья сама не пе-

И. Квезерели-Копадзе

Л. Квезерели-Копадзе

редала его в пользу детскому санаторию. Александр Иванович какое-то время был узником Метехской тюрьмы. К счастью, остался жив.

Все отняли у Квезерели-Копадзе, оставив только второй этаж авлабарского дома, где и по сей день живут три ветви семьи. Но никто не смог отнять у них образование, трудолюбие и чувство собственного достоинства!

Новая советская действительность создала новые ценности. Среди них – трудовые династии. Квезерели-Копадзе дали Грузии известную медицинскую династию – четыре поколения врачей.

У ее истоков стоят две невестки: русская женщина, дочь царского генерала Евгения Леонтьева-Квезерели-Копадзе, прославившая грузинскую педиатрическую школу и награжденная за свой труд орденом Ленина, и Тамара Джумухадзе, имевшая три высших образования.

Обе женщины несколько десятилетий работали на кафедре педиатрии в 1-й городской клинической больнице.

Евгения Федоровна имела также частную практику и открыла кабинет в авлабарском доме. Днем и ночью приносили и приводили к ней больных детей, и она спасала им жизнь. По сегодняшний день, почти век спустя, ведет прием ее сын Автандил Николаевич.

Тамара проводила первую в Грузии вакцинацию

детей в горах Сванети и в других высокогорных регионах.

Дети этих двух замечательных женщин тоже стали врачами.

Красавица Нина Квезерели-Копадзе много лет возглавляла микро-педиатрическое отделение института имени Чачава. А в ее кабинете на Вере побывали несколько поколений тбилисских детей.

Профессор-педиатр Автандил Квезерели-Копадзе руководит гематологическим отделением детской больницы.

Бессменным главврачом детской поликлиники на площади Свободы был колоритный тбилисец, любилец женщин Вану Квезерели-Копадзе, сын Тамары.

Есть еще третье поколение врачей и четвертое.

Но Иван Николаевич был создателем и любил строить. Поэтому старший сын и следующий глава династии Николай Иванович Квезерели-Копадзе стал инженером – строителем-мостовиком. Он много строил, а в конце жизни написал энциклопедическую книгу о мостах Грузии. Продолжил его дело Ираклий Квезерели-Копадзе. Вот уже 30 лет он проектирует и строит искусственные сооружения, мосты и тоннели в Грузии, а последние восемь лет на юге России.

Но не только врачи и строители были в семье. Всей интеллектуальной элите Тбилиси хорошо известна историк Натуся Квезерели-Копадзе. Одним из создателей грузинской геологической школы был Арчил Квезерели-Копадзе.

- Самое большое наше достояние – это уважение людей – высказывание Нины Квезерели-Копадзе обозначило приоритетные ценности семьи.

Последнее поколение династии – пять красивых молодых женщин. Умных и успешных.

Но сыновей нет. Фамилия может оборваться. Но не генетика! Дети, внуки, правнуки дочерей Квезерели-Копадзе на генетическом уровне получили мощный импульс династии. Они так же похожи на своих предков, хотя и носят другие фамилии.

У семьи еще есть то, с чего все началось – старый авлабарский дом, хранитель множества тайн. В нем выросли шесть поколений семьи. В годы войн, революций, репрессий в доме жили те родственники, кто нуждался в помощи. Он помогал подниматься! Десятки людей связывают с домом лучшие моменты юности.

В огромной его застекленной галерее было столько свадебных и юбилейных застолий, здесь было сказано столько добрых слов, что дом, бесспорно, обладает удивительной аурой. Он стал своеобразным оберегом для потомков семьи.

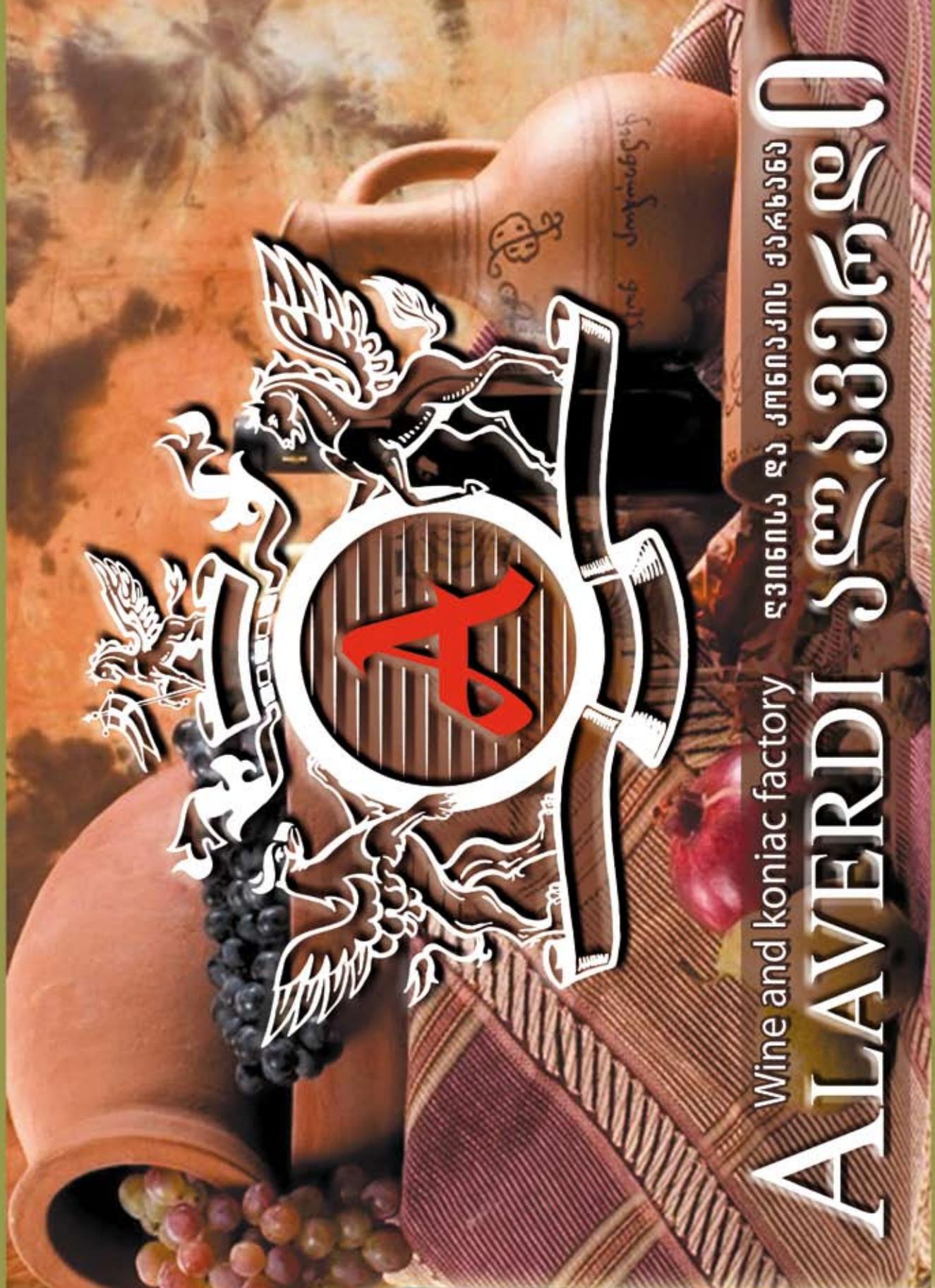
Три века династия верой и правдой служила родине. И за это в прошлом веке получила дворянство.

Сегодня пять молодых женщин Квезерели-Копадзе, как пять юных жриц, знают, что в многовековых династиях есть тайная мистическая сила, возможность разговора с вечностью, с высшим миром в той мере, в какой человек в нее верит.

Существует много такого, что постигнуть можно только через ощущение связи поколений. Это понимание своего места в кроне генеалогического древа и глубокое уважение к его корням, нежность к родственникам и вера в помощь предков.

ИРИНА МАСТИЦКАЯ

SERTIFICATE: ISO 9001:2000 ISO 22000:2005

Wine and konicac factory

ვინოქარობის და კონიაკის ქარხანა

ALAVERDI

EMAIL: ALAVERDI_2000@YAHOO.COM ☎ +995 99502850; +995 99961222

БАТУМСКИЙ ФИЛИАЛ

BATUMI BRANCH